

СТУДЕНЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ В ЗАОНЕЖЬЕ В НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА «ПОЛЯ»

Анастасия Сергеевна Лызлова

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН
11 Пушкинская ул., Петрозаводск, Россия
alyzlova@mail.ru

Светлана Викторовна Подрезова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
4 наб. Макарова, Санкт-Петербург, Россия
podrezova@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена экспедициям студентов кафедры этнографии Ленинградского государственного университета (ЛГУ) / Ленинградского государственного историко-лингвистического института (ЛГИЛИ) в Карельскую АССР в 1929–1931 гг. Руководил экспедициями ученик В.Г. Богораз, автор классической программы «Полевая этнография», заместитель директора Карельского научно-исследовательского института (КНИИ) С.А. Макарьев. На основе анализа документов авторы делают вывод, что КНИИ служил базой для практической подготовки этнографов-полевиков. В первой части статьи рассмотрены теории «поля» и их практическое воплощение на примере работы экспедиций студентов-этнографов в Карелию. Сохранившиеся полевые дневники и собранные материалы свидетельствуют о том, что в работе студенческих экспедиций объединялись методы В.Г. Богораз и Д.А. Золотарева. Вторая часть статьи посвящена дальнейшим совместным фольклорным экспедициям Института по изучению народов СССР и КНИИ, продолжавшим следовать теоретическим установкам, заданным в «Полевой этнографии» С.А. Макарьева. Постепенно в собирательской работе в Карелии происходит переход от комплексного этнографического (или антрополого-этнографического) исследования, частью которого мыслилось фольклорное «поле», к более специализированному — фольклористическому. Значительно сужаются предметная область и задачи собирательской работы, смещаясь в сторону изучения современных форм быта и фольклора. Статья вводит в научный оборот многочисленные архивные документы, посвященные проведению заонежских экспедиций.

Ключевые слова: полевые методы, Заонежье, В.Г. Богораз, С.А. Макарьев, Д.А. Золотарев, студенческие экспедиции.

Благодарности: Финансовое обеспечение исследования А.С. Лызловой осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (регистрационный номер темы 124022000077-1).

Для ссылок: Лызлова А., Подрезова С. Студенческие экспедиции в Заонежье в начале 1930-х гг.: теория и практика «поля» // Антропологический форум. 2025. № 67. С. 93–143.

doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-67-93-143

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/067/lyzlova_podrezova.pdf

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2025, NO. 67

STUDENT EXPEDITIONS TO THE ZAONEZHYYE IN THE EARLY 1930S: THEORY AND PRACTICE OF THE “FIELD”

Anastasia Lyzlova

Institute of Linguistics, Literature and History, KarRC RAS
11 Pushkinskaya Str., Petrozavodsk, Russia
alyzlova@mail.ru

Svetlana Podrezova

Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), RAS
4 Makarova Emb., St Petersburg, Russia
podrezova@yandex.ru

Abstract: The article discusses student expeditions from the Department of Ethnography of Leningrad State University / Leningrad State Historical and Linguistic Institute to the Karelian ASSR, conducted in 1929–1931. Based on an analysis of documents, it concludes that the Karelian Research Institute (KRI) can be considered a temporary base for the practical training of ethnographers working in the field. The expeditions were led by S. A. Makaryev, a student of V. G. Bogoras, the author of the classic programme *Field Ethnography*, and deputy director of the KRI. The first part of the article examines theories of the “field” and their practical implementation using the example of student ethnographers’ expeditions to Karelia. The surviving field diaries and collected materials indicate that the methods of V. G. Bogoras and D. A. Zolotarev were combined in the work of the student expeditions. The second part is devoted to further joint folklore expeditions of the Institute for the Study of the Peoples of the USSR and the KRI in which the students M. B. Kaminskaya and N. N. Tyaponkina participated. These preserve the theoretical principles set out in Makaryev’s *Field Ethnography*. During the collection work carried out in Karelia there is a gradual transition from a comprehensive ethnographic (or anthropological-ethnographic) study, of which the folklore “field” was considered to be a part, to a more specialised

one — folkloristics. The subject area and tasks of the collection work narrowed significantly, shifting towards the study of modern forms of life and folklore. The article introduces into scientific circulation numerous archival documents regarding the conduct of the Zaonezhye expeditions.

Key words: field methods, Zaonezhye, V. G. Bogoras, S. A. Makaryev, D. A. Zolotarev, student expeditions.

Acknowledgements: Financial support for the research of A. S. Lyzlova was provided from the federal budget for the implementation of the state assignment of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (project no. 124022000077-1).

To cite: Lyzlova A., Podrezova S., ‘Studencheskie ekspeditsii v Zaonezhe v nachale 1930-kh gg.: teoriya i praktika “polya”’ [Student Expeditions to the Zaonezhye in the Early 1930s: Theory and Practice of the “Field”], *Antropologicheskij forum*, 2025, no. 67, pp. 93–143.

doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-67-93-143

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/067/lyzlova_podrezova.pdf

Анастасия Лызлова, Светлана Подрезова

Студенческие экспедиции в Заонежье в начале 1930-х гг.: теория и практика «поля»

Статья посвящена экспедициям студентов кафедры этнографии Ленинградского государственного университета (ЛГУ) / Ленинградского государственного историко-лингвистического института (ЛГИЛИ) в Карельскую АССР в 1929–1931 гг. Руководил экспедициями ученик В.Г. Богораза, автор классической программы «Полевая этнография», заместитель директора Карельского научно-исследовательского института (КНИИ) С.А. Макарьев. На основе анализа документов авторы делают вывод, что КНИИ служил базой для практической подготовки этнографов-полевиков. В первой части статьи рассмотрены теории «поля» и их практическое воплощение на примере работы экспедиций студентов-этнографов в Карелию. Сохранившиеся полевые дневники и собранные материалы свидетельствуют о том, что в работе студенческих экспедиций объединялись методы В.Г. Богораза и Д.А. Золотарева. Вторая часть статьи посвящена дальнейшим совместным фольклорным экспедициям Института по изучению народов СССР и КНИИ, продолжавшим следовать теоретическим установкам, заданным в «Полевой этнографии» С.А. Макарьева. Постепенно в собирательской работе в Карелии происходит переход от комплексного этнографического (или антрополого-этнографического) исследования, частью которого мыслилось фольклорное «поле», к более специализированному — фольклористическому. Значительно сужаются предметная область и задачи собирательской работы, смещаясь в сторону изучения современных форм быта и фольклора. Статья вводит в научный оборот многочисленные архивные документы, посвященные проведению заонежских экспедиций.

Ключевые слова: полевые методы, Заонежье, В.Г. Богораз, С.А. Макарьев, Д.А. Золотарев, студенческие экспедиции.

На рубеже 1920–1930-х гг. в район Заонежья¹ состоялось несколько фольклорно-этнографических экспедиций, проведенных ленинградскими учеными при участии студентов-этнографов. Материалы этих поездок и документы, связанные с организацией экспедиций, неравномерно отложились в архивах Петрозаводска и Санкт-Петербурга. Полевые дневники и записи по специальным научным темам, включая языковые и фольклорные материалы, были переданы в Карельский музей, а позже оказались в Научном архиве Карельского научного центра РАН (НА КарНЦ РАН). Записи по темам, отвечавшим научным задачам Фольклорной секции Института по изучению народов СССР (ИПИИ), а именно беловые записи эпических жанров и сказок, были переданы в Фольклорную секцию и в настоящее время хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, звукозаписи — в Фонограммархиве ИРЛИ РАН. Документация по организации

Анастасия Сергеевна Лызлова

Институт языка, литературы
и истории Карельского
научного центра РАН,
Петрозаводск, Россия
alyzlova@mail.ru

Светлана Викторовна Подрезова

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
podrezova@yandex.ru

¹ Заонежский полуостров Онежского озера (Карелия) и близлежащие острова.

работы экспедиций отложились в архивохранилищах Карельского научного центра РАН, Пушкинского Дома, Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (СПбФ АРАН) и Национального музея Республики Карелия.

Наш первоначальный интерес к этим документам был связан с изучением эпической традиции Заонежья и с описанием звуковых коллекций, собранных в экспедициях начала 1930-х гг. [Былины Заонежья 2018; Подрезова 2023]. Но по мере разыскания материалов и всего того, что составило контекст записей, мы все чаще задавались вопросом о целях, задачах и главное — о полевых методах этих экспедиций.

Как известно, 1920–1930-е годы — время неопределенности и постоянной смены идеологических и научных парадигм, поиска объектов исследований и подходов к их изучению и интерпретации, сложения и слома научных школ, открытия научных учреждений, их реорганизации и основания новых структур¹, наконец, это период напряженных дискуссий о полевых методах в этнографии и фольклористике. В последние годы появился целый ряд работ, в которых рассматриваются теории «поля», существовавшие в раннее советское время, и способы приложения этих теорий к полевой работе этнографов. Вместе с тем о реконструкции общей картины говорить еще рано. В большинстве работ концептуализируется опыт «поля», осуществленный основателями одной из ветвей ленинградской школы этнографии В.Г. Богоразом и Л.Я. Штернбергом, их прямыми учениками и последователями [Арзютов 2012; Арзютов, Кан 2013; Вахтин 2016; Лярская 2016; Вахтин, Лярская 2024]. При этом в кругу учеников Богоразы и Штернберга оказываются почти исключительно исследователи народов Севера и Сибири, финно-угорских и некоторых других «туземных» народов России. Иным концепциям полевых исследований, предложенным ленинградскими (прежде всего Д.А. Золотаревым²),

¹ На рубеже 1920–1930-х гг. произошла реорганизация Комиссии по изучению естественных производительных сил страны (КЕПС) и Комиссии по изучению племенного состава населения СССР (КИПС) и образование Института по изучению народов СССР (ИПИН), закрытие Государственного института истории искусств (ГИИИ), затем Ленинградского отделения Государственной академии художественных наук (ГАХН) и переход Фольклорной секции в Академию наук. В 1930 г. из состава Ленинградского университета был выделен Ленинградский государственный историко-лингвистический институт (ЛГИЛИ, с 1933 г. — Ленинградский институт философии, лингвистики и истории, ЛИФЛИ) с входившим в него этнографическим отделением, в 1932 г. отделение получит новое название и новое направление — музейно-краеведческое.

² Полевые методы Д.А. Золотарева ранее рассматривались в работах И.И. Шангиной [Шангина 1985; Шангина, Аксянова 2017]. Впервые обстоятельная история формирования стационарного метода, предложенного Золотаревым на основе организации этнологических станций, и анализ их рецепций на местах дана в работе С.С. Петряшина, публикуемой в настоящем издании [Петряшин 2025].

а также московскими учеными¹, к сожалению, уделяется гораздо меньше внимания.

В настоящей статье представлена история полевых исследований Заонежья в начале 1930-х гг. В первой части рассмотрены теории «поля» и полевой работы и их практическое воплощение на примере экспедиций студентов-этнографов в Карелию, принята попытка ответить на вопросы, в какой мере концепция «поля» Богораза и Штернберга, прививавшаяся студентам этнографического отделения, получила отражение в их полевой работе у русских Карелии, какие иные методы использовали студенты. Вторая часть посвящена дальнейшим совместным фольклорным экспедициям Института по изучению народов СССР (ИПИИ) и Карельского научно-исследовательского института (КНИИ) с участием студенток М.Б. Каминской и Н.Н. Тяпонкиной. Рассматриваются изменения в подходах студентов к собирательской работе при их включенности в совместную деятельность научных учреждений Ленинграда и Петрозаводска.

Фольклорные и этнографические экспедиции в Прионежье в 1920–1930-е гг.

В 1920–1930-е гг. на территорию созданной Республики Карелия (Карельской трудовой коммуны, Автономной Карельской ССР) выезжало несколько экспедиций (см. их перечень в Приложении, № 1).

Наиболее значимой была Северо-Западная экспедиция (1926–1930), организованная и возглавленная известным этнографом и антропологом, профессором Давидом Алексеевичем Золотаревым (1885–1935), внесшим большой вклад в изучение русского и финноязычного населения европейской части СССР. Экспедиция проводилась под эгидой деятельности Комиссии по изучению племенного состава населения СССР (КИПС) для изучения территории Карелии и Ленинградской области², носила многолетний и комплексный характер и объединяла различных специалистов: этнографов, физических антропологов, фольклористов, лингвистов, медиков, архитекторов, художников и др. Первая экспедиция, состоявшаяся в 1926 г. в приграничный Ухтинский район, задала тон всем последующим поездкам на территорию Карелии. Ее основная задача виделась

¹ Попытка осмысления принципов полевой работы московских этнографов в 1920-е гг. дана в работе [Давыдов, Сирина 2017].

² См.: [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 958. Л. 29, 36, 38], а также: [Шангина 1985: 80–81]. В некоторых документах часть этого обследования на территории Карелии под руководством Золотарева именуется «Карельской этнологической экспедицией» [СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 282. Л. 1; Винокурова 2022: 299].

в том, чтобы «с этнографической и антропологической точек зрения проследить, в какой мере Ухтинский край отличается от других районов, каков общий бытовой облик населения в настоящее время и насколько сохранились там <...> произведения народного творчества» [Золотарев 1930: 2].

Если экспедиции 1920–1923 и 1926 гг. были посвящены в основном изучению карельского населения в пограничных районах новой республики, то начиная с 1927 г. участники Северо-Западной экспедиции проводят исследование русского населения для сравнения его с карелами. Так, в 1928 г. в районе Заонежья участники экспедиции С.Д. Синицын и А.Н. Александрова осуществляли антропологическое измерение русских; в 1930 г. здесь же Р.М. Габе занимался изучением крестьянских построек и колхозного строительства у карелов-людииков и русских [Винокурова 2022: 302–304]. На основе полевых исследований Северо-Запада Д.А. Золотарев подготовил и издал ряд научных работ, а также карту «Национальный состав Ленинградской области и Карельской АССР» [Золотарев 1926в; Золотарев 1930; Карта 1934]. Судя по обнаруженным документам, работа в Карелии должна была продолжиться как минимум до 1933 г. [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 12. Л. 26–29], но была прервана арестом Золотарева в декабре 1930 г.¹

Помимо профессиональных ученых, в экспедициях Золотарева принимали участие ученики Богораза и Штернберга — студенты и аспиранты этнографического отделения университета: студентка ЛГУ, а затем аспирантка ИПИИ М.Ю. Пальвадре² (карельские экспедиции 1920–1923 и 1926–1928 гг. [Королькова 2015: 209]) и уроженка Кемского уезда, студентка ЛГУ, будущий стажер Ф. Боаса в Колумбийском университете Ю.П. Аверкиева³ (Ухтинская экспедиция 1927 г. [Винокурова 2022: 303]). Участие в трех Северо-Западных экспедициях (1927, 1928 и 1929 гг.) стало путевкой в жизнь для фольклориста и лингвиста Г.Х. Богданова. По возвращении из своей первой поездки в Ухтинский район Карелии он становится практикантом Русско-финской секции ИПИИ, в 1928 г. читает курс лекций по карельскому и финскому языкам в ЛГУ, ведет курс по финно-угорскому фольклору в Педагогическом институте им. А.И. Герцена. В 1929 г. поступает в аспирантуру Яфетического института и продолжает изучение карельского и финского языков и фольклора,

¹ В 1930 г. Золотарев подвел итоги десятилетнего обследования Северо-Западного края [Золотарев 1930: 2], но очевидно, что он планировал продолжить изучение этой территории (см. ниже).

² Начиная с 1927 г., за год до окончания университета, Пальвадре была принята ассистентом в Педагогический институт им. А.И. Герцена на отделение национальных меньшинств, где читала курс «Этнография западных финнов» на эстонском языке для эстонцев [Королькова 2015: 209].

³ См. о ней: [Нитобург 2003].

сотрудничает с Карлом Кроном (ведет переписку, посещает Финляндию, где работает с материалами финских исследователей) [Иванова 2017]. Эти факты свидетельствуют скорее о сближении методов двух ленинградских школ, нежели об их жестком разграничении.

В 1926 г. состоялась Карельская этнографическая экспедиция студентов ЛГУ к прионежским вепсам под руководством студента-этнолога С.А. Макарьева¹. По результатам этой поездки Макарьев подготовил двуязычную статью — на русском и финском языках [Макарьев 1927]. Степан Андреевич Макарьев (1895–1938) родился в вепсской крестьянской семье. Выпускник отделения этнографии ЛГУ по финно-угорско-саамскому направлению (циклу), аспирант по специальности «этнография с лингвистическим уклоном»; в 1927 г. — секретарь этнографического отделения геофака ЛГУ и личный секретарь Богораза, а также секретарь Ленинградского филиала Комитета Севера при Президиуме ВЦИК [Савватеев 1999: 14]. По данным Ю.А. Савватеева, в студенческие годы Макарьев был увлечен идеей подъема национальных окраин и предполагал «заняться каким-либо из восточных народов, о которых узнал, прослушав “монгольский цикл” лекций», изъявлял даже готовность поехать в Сибирь [Там же]. Однако в сентябре 1928 г. молодой ученый, вероятно не без участия в его судьбе Богораза, направляется в Петрозаводск и возглавляет Карельский государственный музей². В том же году под редакцией Богораза выходит руководство с программами для сбора этнографических материалов «Полевая этнография», подготовленное Макарьевым на основе лекций и пятилетнего одноименного семинара Богораза на этнографическом отделении университета [Макарьев 1928]. Отметим, что программы «не являются работой единоличного творчества» Макарьева или Богораза, а стали результатом коллективной деятельности студентов и преподавателей и активного обсуждения более 150 студенческих докладов с описаниями «практической работы молодых исследователей во время экскурсий»³ [Там же: 4].

В Петрозаводске Макарьев разворачивает активную научно-исследовательскую деятельность в музее (в 1929 г. здесь функ-

¹ См. Приложение, № 1. Отчеты об этой экспедиции, а также биографические сведения о Макарьеве см. ниже. Ю.А. Савватеев называет руководителем экспедиции другого студента — будущего известного ученого А.М. Линевского, изучавшего этнографию Карельского берега Белого моря [Савватеев 1999: 14].

² В настоящее время — Национальный музей Республики Карелия.

³ Интересно в этом контексте вспомнить, что в те же годы Боас и Богораз состояли в переписке, неоднократно встречались и предпринимали попытки (особенно активно в 1927 и 1928 гг.) организовать совместные этнографические исследования советских и западных ученых, а также устроить обмен аспирантами — см. подробнее: [Кан 2021: 43–47]. Как следует из опубликованных документов, Боас вел поиск средств, обращаясь к американским фондам [Там же].

ционируют три отдела: этнологический / культурно-исторический, социально-экономический и естественно-исторический), организует бюро краеведения и курирует эту работу в Карелии, наконец, участвует в организации Карельского научно-исследовательского института [Савватеев 1999: 16–17]. По-видимому, Золотарев сотрудничал с Макарьевым и руководимым им музеем, пополняя собрание предметами и фотографиями, а также документами о своих поездках. В архиве музея хранились отчеты Золотарева об этнологических экспедициях 1923–1924 гг. (Олонецкая экспедиция) и 1929–1930 гг. (Карельская экспедиция¹), отчет В.А. Егорова о работе Олонецкой экспедиции Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей (ЛОИКФУН) летом 1930 г. и отчет А.Ю. Паддера об астрономо-барометрической экспедиции в Южную Карелию 1930 г. [НА КарНЦ РАН. Ф. Р. VI. Оп. 1. Ед. хр. 95–103].

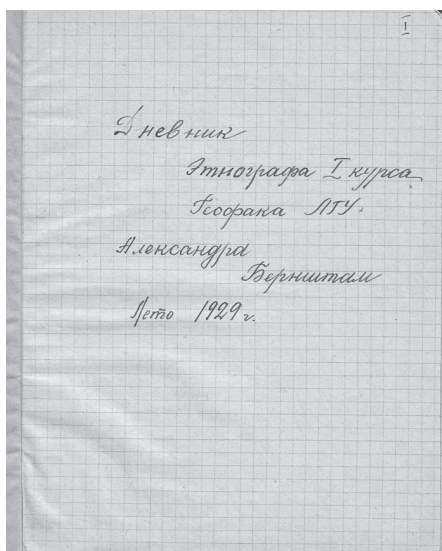
Важным этапом в изучении Карелии стали фольклорные и искусствоведческие экспедиции. В 1926 г. в районе Заонежья работали комплексная искусствоведческая Прионежская экспедиция Государственного института истории искусств (ГИИИ) и экспедиция Государственной академии художественных наук (ГАХН) «По следам Рыбникова и Гильфердинга», организованная Ю.М. и Б.М. Соколовыми. Эти исследования послужили стимулом для возобновления научного интереса к эпической традиции Русского Севера.

На рубеже 1920–1930-х гг. в Петрозаводский (Прионежский) район Карельской АССР выезжало несколько студенческих экспедиций, проводившихся в виде полевой практики учащихся этнографического отделения Ленинградского университета, а с начала 1930-х гг. — студентов выделившегося из ЛГУ Ленинградского государственного историко-лингвистического института (ЛГИЛИ). Согласно архивным документам, руководителем этих поездок был Золотарев — ср. заголовок описи: «Документы антропологических, этнографических экспедиций студентов ЛГУ под руководством проф. Золотарева Д.А. (Шуя, Заонежье)» [НА КарНЦ РАН. Ф. Р. VI. Оп. 1]. Эта версия подтверждается тем, что материалы студенческих экспедиций 1929–1931 гг. наряду с упомянутыми отчетами Золотарева были сданы в Карельский государственный музей. Однако руководство студенческими экспедициями приписывается ему ошибочно. В действительности их возглавлял С.А. Макарьев, о чем свидетельствует отчет о работе Карельского государственного музея в 1929 г. [Культурное строительство 1986: 136]. Работа всех экспедиций согласо-

¹ Часть Северо-Западной экспедиции под руководством Золотарева (см. об этом ниже).

вывалась с Карельским государственным музеем под руководством Макарьева [Культурное строительство 1986: 136]. Позже вышеназванная опись документов была передана в образованный в 1931 г. Карельский научно-исследовательский институт, где Макарьев занимал пост заместителя директора [НА КарНЦ РАН. Ф. Р. VI. Оп. 1. Ед. хр. 95–103]. Вместе с тем нет сомнений, что маршрут и направление работы студенческих экспедиций не только согласовывались с Золотаревым, но и рассматривались как часть большого исследования, которое он проводил в Карелии. Доказательством этому может служить «План работ Северо-Западной экспедиции Академии наук по изучению населения Карельской АССР на пятилетие 1929–1933 гг.», сохранившийся в Научном архиве КарНЦ РАН [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 12. Л. 26–29] (выдержки из документа приведены ниже).

Первая студенческая экспедиция в Карельскую АССР проходила 3–29 июня 1929 г. на территории Петрозаводского (Прионежского) района, ее целью было монографическое описание села Шуя. В этой первой Карельской экскурсии, как она именуется в полевых дневниках и документах, принимали участие будущий этнограф, а на тот момент студент-первокурсник Александр Натанович Бернштам (1910–1956, ил. 1а, 1б) и будущий ученый секретарь КНИИ Георгий Александрович Никитин (1908–1942) [Королькова 2015: 207]. Выборка из дневников этой экспедиции, которые хранятся в НА КарНЦ РАН, издана в Петрозаводске [Дюжев 2006].

Ил. 1а. Титульный лист дневника студента А.Н. Бернштама [НА КарНЦ РАН. Ф. Р. VI. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 1]

Сводка записей дневника за лето 1929 г. Карельской экскурсии Бернштам А.Н.

№	Содержание записей	Календарь экспедиции	Параметры
I. Историческая экскурсия			
1	Село Шуя	3-4, 26, 27, 28, 29	
2	Земля	7	
3	Село	26, 28	
4	Бродская на перекрестках	2, 30	
II. Экономический быт			
1	Земледелие	10, 26, 28	
2	Лесной отвал	9-10, 16, 25, 29, 41	
III. Социальная жизнь			
1	Село "род"	9, 11, 14, 31, 41	
2	Село	29, 30, 35	
3	Село	17, 18, 31, 33	
4	Село	27, 28	
5	Земледелие и лес	18, 28, 40, 44	
6	Общественное право	20, 21	
7	Партия и коммунизм	4-8, 15, 17	
IV. Буховская экскурсия			
1	Восточный форт	17, 22, 23	
2	Восточный форт	17, 20, 27, 41	
I. Петрозаводск			
		18	

Ил. 1б. «Сводка» записей дневника [НА КарНЦ РАН. Ф. Р. VI. Оп. 1. Ед. хр. 3. Б. паг.]

Вторая поездка — Заозерская экскурсия — состоялась летом 1930 г. в район Логмозера, при этом некоторые студенты совершали разовые выезды в село Шуя¹. Полевые дневники студентов — участников этой экспедиции также отложились в Петрозаводске и были опубликованы в 2022 г. [Баринаова, Литвин 2022]. Составители сборника высказали предположение, что организатором этой экспедиции был Макарьев [Баринаова и др. 2022: 5, 10–11]. Это подтверждается записью в полевом дневнике студентки ЛГУ С.С. Конкка от 19 июня: «Целой компанией сходили к тов. Макарьеву в деревню Руднаволоок» [Баринаова, Литвин 2022: 75] (ср. запись в полевом дневнике А.Ф. Бойцовой: «Ходили на экскурсию в Руд-Наволоок» [Там же: 51]).

Третья Карельская экскурсия с участием студентов-этнологов проходила в Заонежье летом 1931 г., вероятно, также под руководством Макарьева. Материалы этой, последней, экспедиции легли в основу широкого круга исследований², но не рассматривались сквозь призму методологии полевой работы. Вместе с тем, эта поездка заложила основы последующих экспедиций в Заонежье с участием студентов-этнографов — зимой 1931/1932 и летом 1932 г.

Полевые методы в советской этнографии 1920–1930-х гг.

В 1920-е гг. ленинградскими этнографами использовались два основных метода полевых исследований. Первый, метод экспедиционных поездок, последовательно разрабатывался в кругу учеников Ф.К. Волкова — Д.А. Золотарева, С.И. Руденко и сотрудников Этнографического отдела Русского музея [Петряшин 2025]. Его также активно использовали московские исследователи. Второй вошел в историю как «стационарный метод Штернберга-Богораза» — метод медленного изучения общества и культуры, преимущественно «туземной» [Арзютов, Кан 2013; Вахтин 2016]. Обсуждение двух конкурировавших методов стало предметом горячей дискуссии о «поле», развернувшейся на Совещании этнографов Москвы и Ленинграда 1929 г., этому вопросу было полностью посвящено заседание 8 апреля: [Алымов, Арзютов 2014: 59–61; Стенограмма 2014: 253–326].

Стационарный метод Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза

В историографии устоялось мнение, что родоначальниками стационарного метода в российской науке являются В.Г. Богораз и Л.Я. Штернберг, соратники и последователи «отца американской антропологии» Франца Боаса (1858–1942) [Арзютов,

¹ См. дневники А.Г. Падэкрата и К.К. Хомича: [Баринаова, Литвин 2022: 280, 319].

² См., например: [Былины Севера 1951; Кузнецова, Логинов 2001; Курец 2008].

Кан 2013; Вахтин 2016; Кан 2021]. Однако задолго до Джезуповской экспедиции этот метод использовался фольклористами и особенно исследователями народной музыки. Так, Николай Евграфович Пальчиков (1838–1888) по окончании Казанского университета провел около года в своем имении — в селе Николаевка Мензелинского уезда Оренбургской губернии, позже он неоднократно и подолгу бывал в родном селе, что позволило ему наблюдать песенную традицию в живом бытовании и сделать записи народных песен в многоголосном звучании [Пальчиков 1888]. В начале 1900-х к стационарно-экспедиционному методу прибегал другой известный собиратель-музыкант Александр Михайлович Листопадов (1873–1949). На протяжении 1898–1905 гг. он совершил десять поездок в донские станицы, в некоторых жил среди местного населения по несколько месяцев. Позже, характеризуя свою работу, Листопадов писал, что выбранный метод «неизбежно вводит исследователя в знание местности, хозяйственных отношений, бытовых условий, местного говора и его особенностей, наконец, манеры исполнения и т.п., чего часто недостает сотрудникам экспедиций даже высоко компетентных научных учреждений» [Листопадов 1951: 10].

Как показали Д.А. Арзютов и С.А. Кан, Богораз и Штернберг нашли у Боаса научное обоснование и подтверждение многим ключевым взглядам и подходам к полевым исследованиям, сложившимся в их практике независимо от влияния американского антрополога (комплексное изучение культур и народов, лингвистические и фольклорные исследования, необходимость владеть языком изучаемого народа, наконец, стационарный метод) [Арзютов, Кан 2013: 53].

Стационарный метод, положенный в основу руководства «Полевая этнография», следовал традиции американской антропологии и подразумевал длительную полевую работу, проводимую одним-двумя исследователями (мужчиной и женщиной) в течение одного года и более (минимум 8, а лучше 16 месяцев, классический вариант — 12+1 месяц или «два лета» [Стенограмма 2014: 257]), позволявшую вживую увидеть все типы общественных и культурных практик внутри сообщества. Он предполагал неспешное углубленное изучение местной культуры через «наблюдение объекта» (то, что в американской антропологии обозначается как «включенное наблюдение» — *participant observation*) и установление тесных «интимных и личных связей» или даже полное погружение в местную жизнь, например в качестве работника [Макарьев 1928: 7].

Этнографам — уроженцам исследуемой местности программа предлагала вести самонаблюдение и всячески поощряла их участие в собирательской и исследовательской работе:

Самонаблюдение является для него существенною частью наблюдения объекта. В особенности это относится к местным уроженцам, которые работают на родине, в местах издавна знакомых и привычных, с которыми они связаны органически.

В таких условиях изучение и описание собственной семьи, хозяйства, культуры, обычаев, ближайших соседей дает почти самую существенную часть этнографической работы. Но и в других местностях для приезжего этнографа весьма важно сжиться с населением, завязать с ним интимные и личные связи, приобрести его доверие и, таким образом, найти доступ и подход к самым затаенным, сокровенным и тем более важным элементам человеческой жизни.

Еще благоприятнее для работы этнографа, если он может занять определенное место в производстве, в культурной или служебной работе среди населения, сделаться учителем, кооператором, секретарем райсовета и т.д. И, таким образом, явиться местным работником, а не только наблюдателем более или менее сторонним [Макарьев 1928: 6].

Если оставить в стороне длительность пребывания собирателя в поле и конкретные методы его работы, основное отличие предлагаемого Богоразом метода заключалось в том, чтобы исследователь совмещал полевую работу с культурной и общественной, т.е. приносил практическую пользу. Полевик в видении Богоразы должен быть универсальным специалистом [Стенограмма 2014: 258–262]. Согласно этому создаваемый им проект идеального этнографического образования подразумевал комплексную программу по изучению большего спектра наук: лингвистики, геологии, биологии и многого другого: «Работники, окончившие этно-отделение, могут работать по следующим специальностям: 1) учителя туземных школ <...>, 2) практические краеведы и музееведы <...>, 3) работники в области кооперации, 4) работники по советскому аппарату среди нацмен, 5) работники по демографии и этнографической статистике, в особенности среди нацмен» [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 173. Л. 117] (рукопись В.Г. Богоразы «Этнографическое отделение Геофака Л.Г.У. и работа среди нацмен»; цит. по: [Вахтин 2016: 130, сн. 1]). Как выразился В.Б. Аптекарь, «и швец, и на дудочке игрец» [Стенограмма 2014: 298].

Метод Д.А. Золотарева

В 1904–1907 гг. Д.А. Золотарев жил в Париже и был слушателем Русской высшей школы, где познакомился с антропологом, этнографом и археологом Ф.К. Волковым (Вовком) и вошел в число его учеников. По словам брата Золотарева, Алексея Алексеевича, «двукратное пребывание в Париже наложило

свою печать на дальнейшую научную работу Давида: он до конца дней остался сторонником и приверженцем французской школы в антропологии, ближайшим учеником и последователем Ф.К. Волкова» [Золотарев 2016: 108]. Вернувшись в Россию в 1908 г., Золотарев поступает на физико-математический факультет Петербургского университета, по окончании которого в 1912 г. остается при университете для подготовки к профессорскому званию, с 1917 г. начинает читать курс лекций по антропологии, а в 1918 г. получает звание профессора (подробнее о его деятельности см.: [Шангина 1985; Алымов, Подрезова 2017; Шангина, Аксянова 2017; Петряшин 2025; Королькова и др.]).

Как отмечали исследователи, в полевой работе Золотарев выступал сторонником систематических обследований определенной территории на протяжении нескольких лет. Однако он считал, что длительно (в течение двух-трех лет) жить в одной местности по разным причинам невозможно, поэтому предлагал вести полевое исследование методом экспедиционных выездов группы собирателей либо использовать сочетание экспедиционного и стационарного методов. Это предполагало, что в течение нескольких лет 2–4 месяца в году население территории изучают исследователи из ведущих научных центров, а в остальное время сбор материала проводят подготовленные ими местные краеведы [Шангина 1985: 79].

Так, планируя продолжение работы Карельской экспедиции на 1929–1933 гг., Золотарев предлагал существенно расширить ареал исследования и для этой цели постепенно перейти от экспедиционного метода к стационарному, т.е., вероятно, планировал организовать здесь этнологическую станцию.

Большое внимание в течение предстоящих лет предположено уделить изучению карельского языка и карельского народного творчества, в результате которого должен получиться исключительный по своей ценности и интересу материал. Начатые в этой области работы в Ухтинском районе дали богатый материал и наталкивают на необходимость поставить подобные же работы в более широком масштабе в других районах и в первую очередь в районах Северной Карелии и Олонецкого края.

Эта работа, требующая длительного пребывания в районе работ и близкого знакомства с населением, трудно выполнима силами одних лишь сотрудников Экспедиции, приезжающих на короткий срок из центра. Поэтому в этой области становится необходимым постепенный переход от экспедиционной исследовательской работы к стационарной с привлечением к этой работе сотрудников из числа местного населения.

Постепенный переход к методам стационарной работы предположено осуществить и в области собирания этнографических материалов. В этой области работы должны быть направлены в сторону пополнения имеющихся уже общих материалов, рисующих бытовую обстановку и духовную и материальную культуру населения Карелии, и в то же время должно быть уделено особое внимание детальной и углубленной проработке отдельных, наиболее ярких и характерных сторон быта и культуры, как напр., охотничий, рыболовный и лесной промыслы и подсечное хозяйство в системе земледелия. («План работ Северо-Западной экспедиции Академии наук по изучению населения Карельской АССР на пятилетку 1929–1933 г.») [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 12. Л. 27–28].

Еще в 1926 г. в программной работе «Вопросы изучения быта деревни СССР он отдает приоритет трем типам полевой работы:

- работе этнологических станций («исследовательских очагов на местах», институтов, кабинетов)¹;
- комплексным исследовательским экспедициям;
- монографическим исследованиям отдельных «типичных селений» [Золотарев 1926б: 51] (ср. его реплику: [Стенограмма 2014: 168]).

Кроме того, Золотарев видел большой учебно-практической и методический потенциал в «учебно-исследовательских экскурсиях». «Работа учащихся, — писал ученый, — может дать очень большие результаты при умелом руководстве и отказе от тенденциозности в выборе материала. Особенно практично использовать молодежь, вышедшую из деревенской среды, и молодежь национальных меньшинств. Работа в знакомой и родной среде, как указывает опыт, дает прекрасные результаты и избавляет от ошибок, получающихся при мимолетных наблюдениях постороннего человека» [Золотарев 1926б: 50]. Тот же принцип положен в основу программы «Полевая этнография», вышедшей в 1928 г. (см. выше).

Как многие другие этнографы ленинградской и московской школ², Золотарев придерживался идеи многоаспектного и комплексного изучения той или иной местности, призывая коллег «признать равноценность различных сторон жизни населения» [Золотарев 1926б: 51]. Помимо собственно данных этнографии и антропологии, в задачу полевых исследований входило изучение языка, фольклора, особенностей экономической и культур-

¹ Подробнее об этнологической станции см.: [Золотарев 1926б: 49–50].

² О принципах полевой работы московских этнографов в 1920-е гг. см.: [Давыдов, Сирина 2017].

ной жизни, т.е. «всей совокупности элементов, слагающих определенный бытовой и антропологический облик населения» [Золотарев 1926а: 1].

При этом, в отличие от Богораза, Золотарев призывал в полевой работе ориентироваться только на специалиста в той или иной области — этнографии, лингвистике, антропологии и др., ср. его реплику на Совещании этнографов: «[В]опрос о вымирании ряда наших народностей, вопрос о внесении воинской повинности, вопросы гигиены и т.д., все эти вопросы могут быть разрешены и поставлены только совместными усилиями этнографов, экономистов, антропологов и т.д. Это надо прямо сказать. Империализм этнографический надо оставить. Я приветствовал бы тезисы Маторина, подписался бы под всеми его пожеланиями и формулировками, если бы говорилось не об этнографии, а о науке о человеке, изучении населения Советского Союза совместными усилиями представителей различных дисциплин. Только в комплексной работе мы можем изучить то, что необходимо для советского строительства» [Стенограмма 2014: 168]. Эту позицию отстаивали и другие оппоненты Богораза, например В.Б. Аптекарь, который вместе с тем призывал не ограничивать свой интерес конкретной областью и предметом исследования: «[В]сякое изучение в качестве своего основного метода должно выдвинуть именно комплексный метод изучения специалистами конкретной области, причем каждый специалист не должен замыкаться в своей области. И человек, изучающий жилище, не должен подходить к нему абстрактно, беря только жилище и не обращая внимания на того, кто в нем живет, как живет и пр.» [Там же: 299].

Свою позицию по поводу стационарного метода в версии Богораза Золотарев высказал на Совещании этнографов 1929 г. Ученый положительно оценивал «значение стационарного метода, значение знакомства местных общественных работников с бытом, с этнографией», однако высказывал сомнения относительно тезиса, что «полевой работник-этнограф должен неразрывно соединяться с культурно-общественной работой» [Стенограмма 2014: 288, 289]. Кроме того, он предлагал отказаться от термина «полевая этнография» (ср. с названием учебного руководства Макарьева и курса этнографического отделения), считая его неудачным. По мнению Золотарева, «можно говорить о полевой работе этнографа, но не о полевой этнографии», «нельзя отрывать полевую работу от работы исследовательской. Нельзя ограничиваться экспедициями, хотя бы двух или трехгодовыми, без исследовательской проработки перед экспедицией и после нее» [Там же: 287–288].

Наконец, Золотарев всерьез рассуждал о возможности и необходимости преобразований культуры и быта, т.е. не был чужд идей «миссионеров новой культуры» [Богораз-Тан 1925: 48]. Однако он видел свои задачи несколько иначе, чем Богораз и его последователи, ср. одну из мотивировок разностороннего этнографического исследования: «[П]ознать особенности бытия внегородского населения в целях воздействия на его сознание и в целях изменения уклада жизни деревни»; «познание быта должно предшествовать успешному переустройству быта» [Золотарев 1926б: 45]. Вероятно, именно в этом контексте следует рассматривать его призыв «систематически регистрировать и изучать все новое, что проникает в деревенский быт или как временные явления, или как ростки нового будущего уклада жизни» [Золотарев 1926а: 1], ибо это знание — «все, что отражает народные потребности, творчество, искусство и навыки <...> облегчает понимание народной жизни и тем содействует ее улучшению» [Золотарев 1926б: 46].

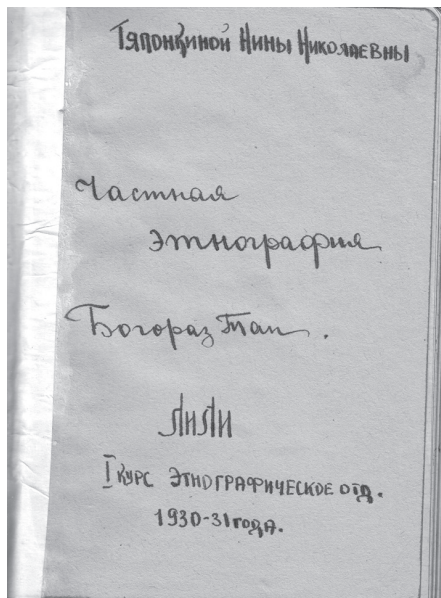
Авторы учебного курса и руководства «Полевая этнография» также призывали изучать старое и новое в «тесной связи и переплетении», используя новые методы, а основным объектом наблюдения предлагали выбрать «переход от старого к новому быту» [Макарьев 1928: 4]. Собирателю рекомендовалось отмечать «случаи отражения в фольклоре различных явлений нового быта», фиксировать «новое творчество песен»: частушки «лирические, бытовые и политические», фольклорные формы, «отразившие разруху, новый быт, напр., развод, советский брак» и др.¹, «сказки новейшего содержания, переделанные из старых», «сказки военного и революционного времени» и т.п. [Там же: 94]. В этом видятся точки соприкосновения методов Золотарева и Штернберга-Богораза, в которых нашли отражение общие взгляды ученых на процессы, проходившие в обществе и культуре.

Применение полевых методов студентами

Учебная программа

Полевые материалы студенческих экспедиций 1929–1931 гг. отличаются однотипностью и четкое следование общим установкам, что позволяет сосредоточиться на неопубликованных материалах третьей, Заонежской, экскурсии, проходившей летом 1931 г. Основными участниками этой поездки стали студенты, окончившие первый курс этнографического отделения ЛГИЛИ, образованного в 1930 г., т.е. студенты первого набора. Отделение

¹ В Заозерской экспедиции 1930 г. было записано 505 текстов частушек [Барина и др. 2022: 20], лишь незначительная часть из них была издана [Барина, Литвин 2022: 196–202].

Ил. 2. Полевая тетрадь Н.Н. Тяпонкиной
[НА КарНЦ РАН. Ф. Р. VI. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 42об.]

от университета сказалось на программе подготовки этнографов: учебный курс был спрессованным и охватывал не более трех лет. Введение в этнографию этому набору читал известный ученый, профессор, заведующий кафедрой этнографии Е.Г. Кагаров, «семинар по введению в этнографию» вел специалист по истории и этнографии финно-угорских народов З.Е. Черняков. Для полевого дневника одна из студенток, Нина Николаевна Тяпонкина, использовала тетрадь по предмету «Частная этнография», который, судя по ее собственноручной надписи, читал сам В.Г. Богораз-Тан (ил. 2). В круг учебных предметов входили также «Антропология», «Практические занятия введения в этнографию», «Введение в краеведение», «Полевая этнография» (освоение программы собирательской работы), «Практические занятия по фотографии»¹. В стенах университета студенты осваивали технику рисования [Барина и др. 2022: 15], которая, вероятно, перекочевала и в учебную программу ЛГИЛИ: полевые дневники Заонежской экспедиции также содержат рисунки архитектурных объектов, предметов быта и орудий труда, портреты информантов и др. В 1932 г. отделение было перепрофилировано и переименовано в музейно-краеведческое, его возглавил историк архитектуры и археолог М.К. Каргер.

¹ См. зачетную книжку Н.Н. Тяпонкиной (Бородиной). Начата 1 сентября 1930 г., последняя запись датируется 3 июля 1933 г.: «Студентка Тяпонкина (Бородина) выполнила все требования учебного плана МКО. Зав[едующий] МКО Мих[аил] Каргер. 3.VII.[19]33» [ЦГАЛИ СПб. Ф. 328. Оп. 2. Д. 1667. Л. 5].

Чем был обусловлен выбор именно этой территории, сказать трудно. Но очевидно, что после ареста Золотарева ленинградские этнографы совместно с сотрудниками Карельского музея и при поддержке ленинградских фольклористов (сотрудников Фольклорной секции ИПИИ, прежде всего А.М. Астаховой) подхватили важное начинание и продолжили изучение Карелии силами студентов, для которых это была «производственная» — этнографическая — практика.

Экспедиция. Методы полевой работы

Экспедиция в Заонежье проходила с 26 июля по 25 августа 1931 г. Маршрут большой команды собирателей (22 человека) пролегал по территории Сенногубской волости, вошедшей в историю как «Исландия русского эпоса». Во второй половине XIX в. здесь побывали П.Н. Рыбников и А.Ф. Гильфердинг, в 1926 г. работал С.И. Бернштейн (комплексная экспедиция ГИИИ), а затем экспедиция ГАХН «По следам П.Н. Рыбникова и А.Ф. Гильфердинга» под руководством Б.М. и Ю.М. Соколовых.

Студенты вели сбор самого разного материала: общих сведений по архитектуре и быту, изучение социальной структуры деревни, описание праздников, занятий населения, фиксировали собственный опыт участия в крестьянских работах и праздниках (ср. выше предложение собирателю «занять определенное место в производстве, в культурной или служебной работе»), опыт общения с местными жителями, лингвистический материал и многое другое. Обязательной частью было фотографирование и зарисовывание образцов архитектуры, объектов материальной культуры, исполнителей и пр.¹

Одной из важных задач полевой работы стало продолжение изучения колхозов, начатого в предыдущих карельских экспедициях (в Шуе и Заозерье). Напомним, что в 1930 г. на близлежащей территории проводили исследование колхозов участники Северо-Западной экспедиции под руководством Золотарева. Как отмечает С.С. Алымов со ссылкой на публикацию 1931 г., с началом коллективизации одним из приоритетных направлений в образованном в 1929 г. ИПИИ становится «изучение процессов перехода к коллективным формам хозяйства» и «изменений, происходящих в условиях труда и быта народов СССР под влиянием коллективизации» [Данилин 1931: 157; Алымов 2006: 170–171]. В том же году по инициативе заместителя директора ИПИИ Н.М. Маторина была создана группа по изучению быта колхозов. В дальнейшем этнографи-

¹ Некоторые рисунки и фотографии опубликованы: [Былины Заонежья 2018: 16, 50–52, 82, 202, 319, 320].

ческое исследование колхозов проводилось сотрудниками научных учреждений с привлечением студентов ЛГУ, что отражено в отчете ИПИИ за 1930 г.: «Изучение изменений экономики и быта населения СССР в связи с социалистической реконструкцией хозяйств, в частности — изучение быта колхозов. Работы выполнялись под руководством Н.М. Маторина сотрудниками Этнографического разряда ГАИМК и студентами Этно-отделения ЛГУ путем поездок в колхозы и изучения быта на местах. В настоящее время в ИПИИе заслушивается серия отчетных докладов и подготавливается сборник статей по колхозному быту¹» [СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 194. Л. 2]. Опираясь на подробную инструкцию, представленную в «Полевой этнографии» [Макарьев 1928: 53–55], студенты коллективно посещали сельские собрания и заседания колхозных товариществ, фиксировали дискуссии, экономические сведения, копировали протоколы и постановления (ил. 3, 4).

Помимо общей программы, каждый студент или пара студентов вели наблюдения по отдельной теме². Например, Софья Андреевна Лорви собирала материал по теме «Брачные обычаи и положение в семье», Бел Павлович Николович — «Сенногубский сельсовет» (ил. 4), Прокинов — «Кооперация»³, Р.Х. Герцман — «Комсомол и жизнь молодежи», Ольга Всеволодовна Ионова — «Топонимика», Забаровская — «Батрачество». Исследования базировались на рекомендациях «Полевой этнографии», где предложены подробные тематические разработки по нескольким программам: материальной культуре, экономическому быту, социальной культуре (общественным формам), духовной культуре (идеологическим формам), что в целом можно рассматривать как продолжение этнографических программ XIX — начала XX в.

В раздел «духовная культура» входили материалы по языку и фольклору: этнографические описания обрядов и праздников, сведения по народной медицине, тексты песен разных жанров,

¹ Имеется в виду издание: [Маторин 1931]. Материалы студенческих поездок в Карелию здесь не учтены. В 1931 г. работа над этой темой получила еще больший размах, см. в годовом отчете ИПИИ: «Основными темами в текущем году являлись: 1) изучение процессов перехода к коллективным формам хозяйства в эпоху социалистической реконструкции — в частности изучение быта колхозов. Работа выполнялась под общим руководством Н.М. Маторина, сотрудниками и аспирантами ИПИИ, сотрудниками Русского Музея, Этнографического разряда ГАИМК, Государственным Институтом Научной Педагогике, Польской и Латышской кафедрами Педагогического Института имени Герцена, Польским и Латышским Педтехникумами. В текущем году ИПИИом заслушана серия отчетных докладов колхозной группы ИПИИ, вошедших в дальнейшем в колхозные сборники ИПИИ» [СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 194. Л. 11].

² В ЛГУ существовала практика: накануне проведения полевого исследования студент должен был представить полевую программу [Альмов, Арзютов 2014: 59].

³ Значительное внимание в этом дневнике уделено колхозному строительству в Сенногубском сельсовете.

Ил. 3. Б.П. Николович «Реальные записи» («Полевод») [НА КарНЦ РАН. Ф. Р. VI. Оп. 1. Ед. хр. 84. Л. 52a]

Ил. 4. Дневник Б.П. Николовича [НА КарНЦ РАН. Ф. Р. VI. Оп. 1. Ед. хр. 82. Л. 36]

приговоров дружки, причитаний, частушек, детского фольклора (припевов, игр) и пр. Три студентки-первокурсницы Наталья Георгиевна Котлярова, Нина Николаевна Тяпонкина (Бородина) и Марта Брониславовна Каминская помимо общей программы работали по специальной теме «Былины», заданной фольклористами ИПИН по согласованию с КНИИ (в отчете об изучении русского фольклора Карелии инициатором называется КНИИ¹). Так, в отчете Фольклорной секции ИПИН за период с апреля по 20 сентября 1931 г. в разделе «Научно-просветительская и культурно-просветительская работа» указано: «Велись систематические занятия со студентами ЛИЛИ, участниками Карельской экспедиции» [СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 120. Л. 27]. Вероятно, в результате занятий была составлена «Программа по собиранию материала» по теме «Былины», которая затем была вклеена в тетрадь Н.Г. Котляровой (там же размещен «Календарный план по сбору былин», охватывавший период с 7 по 25 августа 1931 г.):

¹ Позже в работе «Изучение фольклора русского населения Карелии» А.М. Астахова инициатором этого исследования также называла КНИИ: «Работа Института начала разворачиваться с 1931 года. Летом этого года студентками Ленинградского Историко-Лингвистического Института т.т. М. Каминской и Н. Тяпонкиной была проведена, в порядке производственной практики, по заданию КНИИ работа по собиранию различных видов фольклора в южной части Заонежского района» [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 32. Ед. хр. 131. Л. 1].

Программа по собранию материала Н. П. П.¹
студ. этногр[афического] отделения Н. Котляровой

Тема: Былины:

1. Кто такие сказители?
2. От кого получили знание былин?
3. Что говорят о них окружающие?
4. Репертуар?
5. Как называют они былинку?
6. Что у них книжное или городское и от кого перенято?
7. Откуда ведет начало данная былина?
8. Есть ли былины новые?
9. Как отразилась революция в былинах?
10. Поет или говорит былинку?
11. Стихи или проза?
12. Под какой аккомпанемент, если поет?
13. Давность былин?

[НА КарНЦ РАН. Ф. Р. VI. Оп. 1. Ед. хр. 73. Л. 2.]

Как заметила В.П. Кузнецова, собирательницы работали в двух группах. Н.Н. Тяпонкина вела записи совместно с Н.Г. Котляровой методом «в два карандаша» (т.е. используя способ коллективной фиксации текста²), кроме того, она записывала диалектный материал и фрагменты речи исполнителей [Кузнецова 2018: 15–17]. М.Б. Каминская работала отдельно, ее записи в основном не пересекаются с записями двух других собирательниц. Иногда она вела работу совместно с В.П. Галашиной, которая специализировалась на собирании песенного фольклора и частушек.

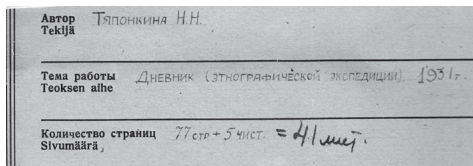
Типы полевых дневников

Непременное условие успешной полевой экспедиционной работы авторы программы видели в ведении дневника, который должен отличаться систематичностью и точностью записей, не иметь пропусков. В зависимости от целевой установки этнографической экскурсии применяли различные виды дневника:

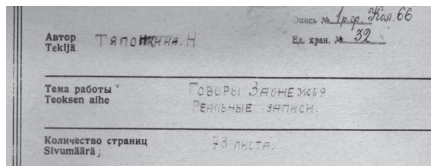
- единый дневник, в который «вносятся все наблюдения, без подразделения их на реальные записи и записи исключительно дневниковые»;
- дневник, объединяющий записи-наблюдения и реальные записи «по одному, двум или более специальным вопросам, по особому заданию»;

¹ «Н. П. П.» может быть расшифровано как «научно-производственной практики».

² Как именно студентки вели записи текстов былин, сказать трудно. Но к началу 1930-х гг. в науке сложилось несколько способов коллективной записи при пении: 1) двое или трое собирателей делили эпическую строку на две или три части соответственно, затем делался сводный вариант; 2) собиратели записывали строки попеременно, например один — только четные, другой — нечетные.

Ил. 5. Полевой дневник Н.Н. Тяпонкиной
[НА КарНЦ РАН. Ф. Р. VI.
Оп. 1. Ед. хр. 94]

Ил. 6. Реальные записи, выполненные
Н.Н. Тяпонкиной по теме «Говоры
Заонежья» [НА КарНЦ РАН. Ф. 1.
Оп. 1. К. 66. Ед. хр. 32]

— дневник, в котором кратко фиксируется информация об условиях работы, месте и времени записи, маршруте, а в реальные записи, «классифицируемые по отдельным вопросам», заносятся все материалы [Макарьев 1928: 18–21].

Летом 1931 г. студенты вели подробные полевые дневники второго вида, которые делились собственно на «дневники» и «реальные записи» (ил. 5, 6). В дневник вносились ежедневные наблюдения (желательно без пропусков), детально фиксировалось не только все происходящее, включая реакции собеседников, но и размышления по поводу увиденного или пережитого. Реальные записи содержат материалы по теме, лингвистический материал, фольклорные тексты и прямую речь, которые рекомендовалось приводить «с возможным соблюдением фонетического правописания» [Макарьев 1928: 91], а также словарь местных слов, фотографии и карандашные зарисовки.

Приведем фрагмент из реальных записей М.Б. Каминской, в которые помимо текстов она внесла свои впечатления о встрече с П.И. Рябининым-Андреевым и его бабушкой Ф.К. Чивиной с описаниями способов исполнения, поз и т.п.:

Федосья Кузьминична Чивина, 81 год
(запись 11 августа 1931 г.)

«Она не сказительница, а просто пожилая женщина, знающая много песен, частушек и причтов. Песни она поет с удовольствием хотя сперва и отнекивается. Поет их не на определенный напев, а каждый раз изменяет мотив, так что запомнить его трудно. Сидит она обычно подперши одной рукой под подбородок или просто сжав руки кладет их на стол. Очень не любит, если ее перебьют и повторяет всегда уже по другому» [РО ИРЛИ. Р. V. К. 26. П. 3. Ед. хр. 11. Л. 27].

Петр Иванович Рябинин-Андреев,
27 лет (запись 28 июля 1931 г.)

«Сегодня слышала, как Андреев-Рябинин исполняет свои былины. Он пропел мне былинку “Первый бой Добрыни со змеем”. Поет он ее на однообразный напев, повторяющийся через каждое двухстрочье. Поет он без всякого аккомпанемента. Сидит обычно подпершись одной рукой под подбородок и заложив ногу за ногу. Сам говорит, что усталости от пения не чувствует и ему петь очень нравится» [РО ИРЛИ. Р. V. К. 26. П. 3. Ед. хр. 11. Л. 37].

Фрагмент записей из дневника Н.Г. Котляровой:

Деревня Конда 28 июля.

Шли пешком в дер[евню] Конда, где и устроились на житье. По дороге видела деревни Любосельга ближняя и Любосельга дальняя.

Народу было мало, все на покосе.

Конда, деревня большая, на самом берегу Онежского озера. Домов с такой, ярко выраженной старинной архитектурой, как в Сенной Губе всего два, остальные же особой резьбой не отличаются, характерных балкончиков не видно. Только везде бревенчатые спуски из сараев, полукруглые двери и очень маленькие, высоко находящиеся окна. Поля, окружающие дер[евню] Конда, так-же очень характерные для данной местности. Вся земля, даже вспаханная, усыпана камнями, кругом каменные изгороди и в середине поля кучами сложенные большие камни, собранные с поля. У дер[евни] Конда встретила женщину, которая рассказывала о придорожном кресте, что поставлен он давно и что таких крестов много было. Еще на горе часовенка была, в Богородицу 8 сентября к ней ходили, а теперь всё снимали. Мало где осталось. [НА КарНЦ РАН. Ф. Р. VI. Оп. 1. Ед. хр. 73. Л. 10об–11]

д. Конда 1 августа

С утра пошла в деревню Зиновьево к Настасье Степановне Зиновьевой. Рассказывала мне свою биографию и былинку (Смотр[и] реальную запись стр. 24–40). Потом ходила на колхозный покос грабить сено. [Там же. Л. 18об.]

Реальные записи 1 августа от Н.С. Зиновьевой (Богдановой) вошли в коллекцию [РО ИРЛИ. Р. V. К. 26. П. 3], на л. 24–26 дана биография Н.С. Зиновьевой (Богдановой), а на л. 27–40 — беловая запись «Былины о царе Солóмоне».

Сочетание методов

В работе экспедиции использовалось сочетание подходов, сложившихся к этому времени в этнографии. С одной стороны, участники использовали метод погружения, «вживания», предложенный и сформулированный в программе Богораза и его учеников [Макарьев 1928]. Студенты активно включались в местную жизнь, устанавливали тесные неформальные отношения с местными жителями и все это фиксировали в дневниках. Эта практика была отработана ранее. Так, по наблюдению петро-заводских исследователей, в Заозерской экспедиции 1930 г.

«студенты уделяли пристальное внимание окружавшей их современности и активно включались в повседневную жизнь заозерцев, помогая в организации яслей, хозяйственных работах, а также занимаясь идеологическим “просвещением”» [Барина и др. 2022: 15].

Вместе с тем полевая работа носила комплексный характер, опиралась на коллективный метод (22 собирателя) и метод кратковременных экспедиций, последовательно используемый Золотаревым и его коллегами и столь же последовательно критикуемый Богоразом [Стенограмма 2014: 253–326; Вахтин 2016: 132–133, 136]. Например, в руководстве «Полевая этнография» этот метод объявлялся вредным и снисходительно именовался «маршрутным», «разъездным» или «методом гастролирования»: «Метод маршрутный (разъездной), метод гастролирования в различные районы мало пригоден для этнографической полевой работы, а в некоторых случаях является даже явно вредным» [Макарьев 1928: 12]. Ср. реплики ученика Богораза Е.А. Крейновича на Совещании этнографов 1929 г.:

Практическая работа <...> не вредит этнографической. В ней мы сживаемся с туземцами. <...> Мы едем к ним в дома, живем с ними, а не приезжаем как гастролеры и не смотрим сверху вниз. Мы являемся для них практическими работниками.

Я хочу сказать, что мы, работающие стационарным методом, не белоручки. Мы занимаемся не только научной работой, но и культурной. Лично я был преподавателем по ликвидации неграмотности, уполномоченным по туземным делам и в то же время работал санитаром во время экспедиции. Болел цингой, но и это не исключало работы. Эта работа не мешала научной работе. Она создавала тесную связь с туземцами. Мы не были гастролерами, не ходили в белых перчатках [Стенограмма 2014: 305, 307].

Эта характеристика повторяет сравнение «бригадной работы» с «увеселительной прогулкой», сделанное ранее В.Г. Богоразом в ответе на запрос Главпрофобра:

Появление группы лиц, да еще во главе с руководителем, который стал бы обучать, как производить изучение населения, привело бы к самым печальным результатам. В лучшем случае такая экскурсия превратилась бы в увеселительную прогулку (цит. по: [Вахтин 2016: 133]).

Между тем в начале 1920-х гг. именно стараниями Богораза отделение этнографии организовывало студенческие этнографические экскурсии [Вахтин 2016: 130–131], которые постепенно приобрели систематический характер. Оба отца-основателя — В.Г. Богораз и Л.Я. Штернберг входили в Комиссию по полевой

практике при Главпрофобре и аккумулировали эту работу [Вахтин 2023: 74, 76]. Например, по воспоминаниям Н.И. Гаген-Торн, «в 1922 и 1923 гг. профессору Богоразу удалось получить денежную субсидию Наркомпроса для организации практики студентов в дальних районах Союза. Поехало около 80 человек. Первые этнографическое обследование многих районов велось по единой программе и единым методом» [Гаген-Торн 1971: 141]. В журнале «Географический вестник» публиковались сведения о кратковременных экскурсиях студентов этнографического отделения для проведения полевых исследований, ср. например:

[В]о время зимних каникул 1923–[19]24 г. были командированы 18 студентов Ин[ститу]та, летом 1924 г. — 73, из них в Ойратскую Автономную Область (Алтай) — 4 чел., в Украинскую ССР — 6, Дагестанскую ССР — 5 человек, в Юго-Восточную область — 4 чел., в Среднее Поволжье — 7 чел., в Автономн[ую] Область Коми — 2 чел., в Марийскую Автономную Область — 1 чел., в Карельскую ССР — 2 чел., в Чувашскую Автономную Область — 1 чел. Остальные были посланы в различные губернии Центральной и Северо-Западной областей [ГВ 1925: 58].

О задачах, которые ставились перед студентами — участниками практики, можно судить по письму Е.А. Крейновича Л.Я. Штернбергу, написанному во время кратковременной экспедиции в деревню Чулаковка Херсонской губернии летом 1925 г.: «[Д]умаю привезти следующие материалы: 1) землеустройство; 2) селькорство; 3) голод в селе за [19]21–[19]22 гг.; 4) жизнь молодежи села в ее же описаниях; 5) автобиографии; 6) заговоры и т.д. Последние очень трудно собирать. Обыкновенно шепчука тут знает 1–2 заговора, так что мне удалось собрать всего лишь 9 заговоров»; «по Вашим заданиям ничего собрать нельзя. Кроме бледных представлений о домовом, тут ничего не осталось» [Вахтин, Лярская 2024: 29].

Приведенные документы показывают, что в 1920-е гг. на этнографическом отделении благополучно сосуществовали два типа полевых исследований: кратковременные поездки как в близлежащие области, так и на отдаленные территории СССР, и длительные «стационарные» экспедиции. Последние чаще были связаны с североведческими интересами Богоразы и Штернберга и их учеников. Наконец, следуя подходу школы Штернберга-Богоразы (программа Макарьева), студенты вели подробные полевые дневники.

Совместные экспедиции КНИИ и ИПИИ и участие в них студентов

Карельский научно-исследовательский институт был организован в сентябре 1930 г. во многом стараниями С.А. Макарьева,

но функционировать начал только несколько месяцев спустя — первый приказ по институту был издан 26 марта 1931 г. До мая 1931 г. КНИИ не имел своего помещения и занимал две комнаты в Карельском музее, а его штат состоял из 3–4 сотрудников [Савватеев 1999: 19]. Осенью 1931 г. КНИИ и ИПИИ ведут переговоры о совместной деятельности. Этому предшествовал ряд поездок представителей дирекции ИПИИ в Карелию «для установления связи с местами, для информирования о задачах и планах работы ИПИИ и для ознакомления с деятельностью местных научных и краеведческих организаций» («Отчет ИПИИ с 1.XI.1929 по 1.X.1930 года») [СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 194. Л. 1]. Макарьев также неоднократно посещал Ленинград, а к 1932 г. был выдвинут в действительные члены ИПИИ по Северному сектору [Там же. Л. 132]. Сохранилась копия документа, адресованного Секретариату Академии наук СССР, в котором сообщалось о тесных взаимоотношениях двух научных учреждений:

№ 53/05

2/X –[19]31 г.

В Секретариат АН СССР.

ИПИИ сообщает, что им с Карельским Научно-Исследовательским Институтом поддерживается постоянная живая связь. Так, в 1931 г. туда были совершены 2 поездки (Зам[естителя] Директора т. Маторина и Зав[едующего] Северным сектором т. Быковского), в настоящий момент в Ухтинском районе АКССР работает экспедиция ИПИИ. Зам[еститель] Директора Карельского Института т. Макарьев периодически бывает в Ленинграде в ИПИИ. В дальнейшем сотрудники Северного сектора ИПИИ будут выезжать в Петрозаводск по мере надобности и исходя из потребностей КАРНИИ. Персонально будут выезжать т.т. Быковский и Пальвадрэ.

Ученый Секретарь

[СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 188. Л. 151]

Приведенный документ выступает свидетельством разоблачительной кампании против арестованного в конце 1930 г. Золотарева. В 1931 г. в Ухтинский район Карелии была отправлена экспедиция в составе участницы Северо-Западной экспедиции М.Ю. Пальвадре, уже отличившейся на поприще «политической и методологической борьбы» с ЛОИКФУН (1930 г.), и студента этнографического отделения И.М. Мулло для проверки выводов многолетних исследований Золотарева (см. Приложение, № 1, п. 11). С печатными нападениями на ученого выступили активный участник и инициатор многих «чисток» заведующий Северным

сектором ИПИИ С.Н. Быковский [Быковский 1930], все та же недавняя коллега Золотарева по полевым исследованиям в Карелии М.Ю. Пальвадре [Пальвадре 1931] и заместитель директора КНИИ С.А. Макарьев [Макарьев 1931: 31, 34]. Последний не погнушался голословными обвинениями в том, что исследования Золотарева отличаются «отвлеченностью от современных требований к антропологии и явной контрреволюционностью» [Там же: 31]¹.

Пересмотр результатов исследований предшественников сопровождался изменениями научной повестки обоих институтов.

Установление тесных контактов между ИПИИ и КНИИ шло, кроме прочего, по фольклорному направлению. Стоит напомнить, что Фольклорная секция после реорганизации Ленинградского отделения ГАХН на некоторое время оказалась не у дел, а в марте 1931 г. была присоединена к ИПИИ. Одной из важных задач, поставленных перед Фольклорной секцией в новой институции, стала работа в тесном сотрудничестве с учреждениями СССР. Так, 24 ноября 1931 г. специальная «бригада по проверке выполнения производственных планов ИПИИ на 1931 год» отчитывалась об установлении контактов Фольклорной секции с различными научными учреждениями страны: «Завязана живая связь с Карельским Научно-Исследовательским Ин[ститу]том, Марийским, Чувашским, Сибирским научно-исследовательскими силами [так!], Белорусской Академией, Киевом и т.д. (на производственной основе). Привлечены к работе студентки ЛИЛИ» [СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 120. Л. 59].

Большое значение в истории научного сотрудничества Фольклорной секции и КНИИ имело заседание, состоявшееся 16 октября 1931 г. в Ленинграде. В нем участвовали члены Президиума Фольклорной секции ИПИИ М.К. Азадовский и А.М. Астахова, КНИИ представлял С.А. Макарьев. Кроме того, на заседание были приглашены студентки этнографического отделения ЛГИЛИ, участницы летней экспедиции М.Б. Каминская и Н.Н. Тяпонкина². Главной темой встречи стало ведение совместной экспедиционной работы и совместного издания фольклорных материалов. Основная часть обсуждения касалась организации летней экспедиции 1932 г. в районы Карелии. Истории подготовки этой экспедиции посвящена статья Т.И. Сенькиной [Сенькина 2012], однако многие детали выпали из поля зрения ученого, поэтому остановимся на этом подробнее.

¹ Подробнее об этой кампании см.: [Винокурова 2022: 309–311].

² См. протокол заседания: [СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 5. Д. 5. Л. 8–8об.], копия: [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 12. Л. 62–62об.].

Летняя экспедиция 1932 г. должна была пройти в северной и юго-восточной частях Карелии силами двух «отрядов»: в Западном Поморье (Беломорский отряд) и в Заонежье с заходом в Пудожье (Заонежский отряд). В качестве подготовительных мероприятий Каминской и Тяпонкиной поручено составить карту по изучению былин, Астахова должна подготовить материалы для составления этой карты. Собранные тексты и звукозаписи (посредством фонографа) предполагалось использовать в совместных изданиях, первым из которых должно было стать собрание русских былин. Так, 16 октября принято общее решение «[п]риступить к подготовке издания былин русской Карелии на половинных началах» [СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 5. Д. 5. Л. 80б.], т.е. силами двух организаций, ИПИИ и КНИИ.

И Фольклорная секция, и КНИИ находились в новых для себя обстоятельствах — непривычных политических и институциональных условиях, вынуждены были к ним приспосабливаться и искать точки опоры для продолжения исследований. Так, помимо традиционного фольклора, в круг научных тем было решено включить сбор материалов по Гражданской войне [СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 5. Д. 5. Л. 8]. Впоследствии тема «Отражение основных моментов гражданской войны в фольклоре» разрабатывалась в стенах ИПИИ специальной «бригадой», в которую входили М.К. Азадовский («бригадир»), изучавший ее на сибирском материале, и А.М. Астахова, работавшая в Карелии. Вполне вероятно, кроме прочего¹, введение этой темы было необходимо для легитимации поездок на приграничные территории для продолжения традиционных полевых исследований (ср. уточненную в 1932 г. формулировку темы, по которой работала Астахова: «Отражение интервенции в фольклоре русского населения Карелии» [СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 116. Л. 5]).

Вторым направлением стало изучение колхозов² и колхозного фольклора, проходившее в планах Фольклорной секции ИПИИ по «разделу изучения современного фольклора и фольклорного наследия» [СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 166. Л. 4]. В период подготовки экспедиции А.М. Астахова предлагала дирекции КНИИ свое видение разработки этой темы, которое вполне отвечало одной из главных задач, решавшихся институтом (ср. приведенные выше задачи по изучению колхозов и изменений экономики и быта): «Имея богатый сравнительный материал, мы можем четко разрешить связанные с проблемой

¹ Ср., например, тему «бригады по рабочему фольклору»: «Фольклорный репертуар рабочих Ленинграда в зависимости от социального состава и специфики политической и общественной жизни предприятий» («Производственный план на 1932 год») [СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 116. Л. 35].

² О работе бригады ИПИИ по изучению колхозов см.: [Москвина 2021].

колхозного фольклора вопросы: об идеологических сдвигах, отраженных в фольклоре, о перестройке старых фольклорных явлений в связи с ломкой и перестройкой быта и т.п.» (цит. по: [Сенькина 2012: 52]).

Третья, уже индивидуальная тема А.М. Астаховой, в рамках которой шло изучение Карелии, была не менее актуальна: «Классовая обусловленность былевой песни и ее трансформация под влиянием идеологических и бытовых сдвигов в современной северной деревне (по карельским материалам)» [СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 116. Л. 6]¹. В дальнейшем собранный материал должен был лечь в основу вступительной статьи к сборнику «Фольклор русского населения Карелии»².

Зимняя экспедиция 1931/1932 г.

После октябрьского заседания началось планирование и подготовка второй — зимней экспедиции, сроки которой несколько раз сдвигались: сначала назывался февраль, но потом было решено приурочить поездку к студенческой практике. Так, в документации сохранилось письмо Н.Н. Тяпонкиной от 22 ноября 1931 г., адресованное С.А. Макарьеву, где сообщалось: «Степан Андреевич, мы с Каминской получили разрешение на поездку в Карелию во время практики с 10 декабря по 20 января» [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 12. Л. 64]. Следующим днем (23 ноября 1931 г.) датируется письмо заведующего Фольклорной секцией ИПИИ М.К. Азадовского в КНИИ (предположительно, адресовано Макарьеву):

Глубокоуважаемый товарищ!

Извещаем Вас, что работы по инструктированию т.т. Каминской и Тяпонкиной ведутся, и что 9.XII[.1931 г.] они могут уже выезжать.

Просим сообщить спешно, какие задачи Вы ставите для них в ближайшую поездку; со своей стороны мы выдвигаем:

- 1) Собрание и изучение фольклора, связанного с Октябрьской революцией.
- 2) Запись былин в Заонежье от исполнителей, которые не были записаны.
- 3) Дополнительный сбор сведений по классовому составу исполнителей былин Заонежья.

¹ Начало работы над темой обозначено в документах — 1 февраля 1932 г. [СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 116. Л. 64].

² См. «Календарный производственный план фольклорной секции на май-июнь 1932 г.» от 5 мая 1932 г.: [СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 116. Л. 20].

Работа по выполнению карты записей в Карелии ведется. Издательский план, выработанный совместно с Вами, утвержден редколлегией ИПИНа и на днях поступит в РИСО (Редакционно-издательский совет АН).

Просим Вас сообщить, в каком положении у Вас реализация всех наших предположений об издательстве и экспедициях.

Товарищи Каминская и Тяпонкина предполагают выехать 9.XII.[1931 г.] Они очень озабочены, застанут ли Вас в Петрозаводске и получат ли снабжение теплой одеждой, в частности, валенками.

Посылаем Вам протокол нашего заседания от 16/X-[19]31 г. [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 12. Л. 61]

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН сохранилось ответное письмо от 30 ноября 1931 г., в котором КНИИ подтверждал все договоренности, указывал размер выделяемых средств и сроки поездки [СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 5. Д. 11. Л. 1]. Однако время экспедиции сдвинулось из-за болезни Каминской, о чем Макарьеву сообщила Тяпонкина в письме от 22 декабря 1931 г.:

Степан Андреевич, Каминская была серьезно больна, поэтому мы не смогли приехать к [10].12. Сегодня только она узнала, что 25 можно будет ехать. Значит 25.12 ночным (в 1 час ночи) поездом мы выедем из Ленинграда и утром явимся в Науч[но-]Иссл[едовательский] Ин[ститу]т, оставив вещи на вокзале.

Из ИПИНа фонограф и валики нам дают, обращаться с ним мы научились (приблизительно).

Для фото принадлежности приобретем.

Дело только в валенках. Здесь мы их не нашли.

Деньги из ИПИНа мы получили.

Ну пока всего хорошего. Привет от Каминской.

Н. Тяпонкина

[НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 12. Л. 66–66об.]

Итак, молодых собирательниц Н.Н. Тяпонкину и М.Б. Каминскую отправили в Заонежье по маршруту летней поездки того же года для повторной работы с использованием фонографа. Собирательницы прошли маршрутами экспедиций 1926 г. и работали в деревнях Сенногубского и соседнего с ним Кижского сельсоветов. Подавляющее большинство звукозаписей, выполненных в этой экспедиции, представляют собой фрагменты эпических жанров: 17 былин, 7 баллад, 4 исторические песни и один духовный стих. Многие рукописи и фонограммы повторяют записи лета 1931 г. Кроме того, рукописную коллекцию составили образцы русского эпоса, сказок, песен «поздней форма-

ции» и частушек на современные темы (колхоз, жизнь в советской деревне и т.п.)¹.

Таким образом, эта поездка носила специализированный характер, а собирательская стратегия молодых специалистов была переориентирована на методы работы ленинградских фольклористов. Так, Тяпонкина и Каминская не ведут полевые дневники, по крайней мере в архивах они не отложились. Все собранные материалы относятся к разряду реальных записей (третий вид дневника согласно программе «Полевая этнография»). Вместе с тем перед студентками стояли задачи по организации краеведческих ячеек, проведению антирелигиозной кампании² и выявлению новых моментов в фольклоре заонежской деревни, «которые порождены современностью» [Астахова 1934: 215–216]. Заметное место занимал сбор текстов революционных песен и актуального фольклора. Помимо точных паспортных данных, собирательницы последовательно фиксировали классовую принадлежность каждого информанта, его экономическое и семейное положение и уровень образованности / грамотности, используя следующие термины: середняк, бедняк, школьник, вдова и т.п.³ Еще один метод, усвоенный Каминской из программы «Полевая этнография», описала А.М. Астахова: «Она [Каминская] входила в близкие товарищеские отношения с молодежным активом, принимала живое участие в собраниях молодежи, вместе пела, помогала организовывать антирелигиозные вечера и т.п. В результате — получала очень ценный материал» [Астахова 1936: 462].

Поскольку предполагалось совместное издание, материалы этой экспедиции были продублированы в двух архивах и также представлены только беловыми записями фольклорных текстов. В Фонограммархив Пушкинского Дома (ФА ИРЛИ) поступили 11 фоноваликов, опись которых составила Тяпонкина⁴.

Летняя экспедиция 1932 г.: «Заонежский отряд»

Летом 1932 г. (28 мая — 26 июля) в Заонежье вновь снаряжается фольклорная, третья по счету экспедиция, объединяющая на этот раз два учреждения — Фольклорную секцию ИПИИ и КНИИ. Тяпонкина и Каминская составляют «Заонежский отряд» и изучают район Великой Губы, следуя маршрутом экс-

¹ Подробнее о коллекции см.: [Подрезова 2023: 141–145].

² Например, «антирождественского вечера» в Сенной Губе [Астахова 1934: 218] — в тетради Каминской сохранился черновик антирелигиозной беседы, проведенной ею незадолго до Рождества 1932 г.

³ Подробнее маршрут и материалы экспедиции см.: [Подрезова 2023].

⁴ См. опись: [Подрезова 2023: 140–145].

педиции 1926 г., а затем перемещаются в район Пудожья. Вторая группа — «Беломорский отряд» — исследует русское население, проживающее на территории западного побережья Белого моря. Третий отряд работает в Пряжинском районе и изучает финно-угорское население республики¹ [Астахова 1934: 215; СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 5. Д. 5. Л. 51об.].

На этот раз подготовку, согласование маршрута и задач всех отрядов ведет секретарь КНИИ, недавний выпускник этнографического отделения Г.А. Никитин. В обзоре карельских экспедиций, проводившихся совместно Фольклорной секцией ИПИН и КНИИ, А.М. Астахова осветила основные задачи и результаты этой работы. Однако многие подробности, в частности сведения о том, кто выступал инициатором при выборе территорий, кто определял тематику исследований и как распределялись силы при организации экспедиции, остались «за кадром». Один из ценных документов, проливающих свет на эти процессы, — письмо Астаховой, адресованное, по всей видимости, Никитину (см. Приложение, № 2). Помимо организации экспедиции, она как секретарь Фольклорной секции обсуждает с секретарем КНИИ вопросы совместного издания, материалы для которого готовили студентки Тяпонкина и Каминская.

Инициаторами во многих вопросах, связанных с проведением экспедиции, выступали ленинградские фольклористы. По всей вероятности, именно они определяли траекторию исследований, которая, как можно заметить, соотносится с одной из ведущих научных тем Фольклорной секции — изучением былинной традиции Русского Севера. Так появился второй важный маршрут, который пролегал по территории западного побережья Белого моря и давно привлекал исследователей: в конце XIX — начале XX в. здесь работали А.Д. Григорьев, А.В. Марков, А.Л. Маслов и Б.А. Богословский. Былинную традицию Русского Севера в новом, более актуальном преломлении в конце 1920-х — 1930-е гг. разрабатывала Астахова (см. выше). Судя по ее письму, упомянутому выше (см. Приложение, № 2), шло обсуждение экспедиции с широким составом участников из числа как ленинградцев, так и сотрудников, привлеченных КНИИ. Целью экспедиции был сбор материалов для будущего издания фольклора русских Карелии. При этом заметно рвение, с которым Астахова предлагает поставить во главу угла две темы, не имеющие прямого отношения ни к сборнику, ни к традиционной фольклористике в целом — фольклор Гражданской войны и фольклор колхозов, но способные стать основанием для финансирования поездки. Кроме того, в письме упомина-

¹ Предполагалось, что руководить «национальным» отрядом будет Ю.П. Аверкиев [Сенькина 2012: 47].

ется копирование и передача материалов заонежских студенческих экспедиций в КНИИ и Фольклорную секцию ИПИИ.

Обсуждение карельской экспедиции проходило достаточно напряженно, а ее подготовка затянулась, что не могло не беспокоить ленинградских участников. 1 апреля Астахова записывает в протоколе рабочего совещания Фольклорной секции ИПИИ: «а) Разработка плана экспедиции в части фольклора лишь начата и была приостановлена вследствие неприсылки необходимых сведений» [СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1, Д. 116. Л. 10]. 30 апреля в письме к Макарьеву Астахова указывает на отсутствие основных данных и постановлений по организации экспедиции. Из письма явствует, что менее чем за месяц до начала экспедиции не были еще определены ее основные задачи, маршрут и состав участников. Выбор в пользу студенток этнографического отделения был сделан вопреки мнению сотрудников Фольклорной секции, которые настойчиво предлагали усилить состав «заонежского отряда», включив в него опытного собирателя — участника экспедиции 1926 г. (см. Приложение, № 3).

11 мая подготовка к экспедиции обсуждалась на совещании президиума Фольклорной секции с представителями Карельского научно-исследовательского института, на котором присутствовали сотрудники Фольклорной секции М.К. Азадовский, А.М. Астахова, И.В. Карнаухова, предполагавшийся участник экспедиции С.С. Писарев, кандидатуру которого не утвердил КНИИ [Сенькина 2012: 50], студентки ЛГИЛИ Н.Н. Тяпонкина и М.Б. Каминская, сотрудники КНИИ Г.А. Никитин, Н.А. Никитина и заместитель руководителя этнографо-лингвистической секции КНИИ, специалист по вепсскому языку М.М. Хмяляйнен. На совещании впервые были обозначены детали предстоящей экспедиции в Заонежье, а также предложен метод работы в Беломорской экспедиции, которая должна была объединить усилия сотрудников Фольклорной секции и сотрудников КНИИ (выдержки из протокола см. в Приложении, № 4).

Несмотря на заявленные цели, Тяпонкина и Каминская ведут запись различных жанров фольклора и собирают этнографический материал с опорой на уже апробированные методы:

- 1) продолжают изучение русского эпоса — разыскивают сказителей, записывают былины и старшие баллады, исторические песни;
- 2) записывают в тетрадь и на фонограф песни разных жанров;
- 3) продолжают собирать частушки (преимущественно на современные темы), выбирая респондентов в широком возрастном диапазоне, начиная от детей и молодежи; с этой целью ведут записи на вечеринках и в школах колхозной молодежи (ШКМ);

- 4) записывают кадрили и наигрыши на гармонии;
- 5) целенаправленно ведут сбор революционных песен и песен Гражданской войны.

В кратком отчете Каминская и Тяпонкина указывают следующие сведения о сделанных записях: более 2000 частушек, 20 былин, 10 сказок, 15 анекдотов, 165 песен, 4 заговора, 180 записей напевов на фонограф [Курец 2008: 34]¹.

Как и предполагалось, материалы этой экспедиции были разделены между двумя архивами — КНИИ и ИПИН и готовились для издания. Однако по разным причинам публикации отдельных материалов этих экспедиций состоялись уже значительно позже. Единственным «востребованным» в 1930-е гг. жанром оказались частушки [Астахова, Колпакова 1937]. Большая часть материалов коллекций до сих пор не введена в научный оборот.

* * *

Анализ документов показывает, что при экспедиционной работе в Заонежье студенты ориентировались не только на программу «Полевая этнография», но и на методы, разрабатывавшиеся Д.А. Золотаревым. Особенно ярко это проявляется в первой экспедиции, посвященной монографическому изучению одного села — Шуи (1929). Иными словами, можно с уверенностью утверждать, что методы Штернберга-Богоразы и Золотарева сосуществовали без противоборства, приписываемого им в современной историографии. Студенты-этнографы получали свой первый опыт полевых исследований именно в кратковременных групповых экспедициях комплексного характера, в том числе проводимых Золотаревым. Более того, собирательская «производственная практика» предполагала парную и даже коллективную работу (методы Золотарева), о чем свидетельствуют дневниковые записи студентов (ведение дневников регламентирует «Полевая этнография», т.е. школа Богоразы). Отдельными группами или всем составом студенты посещали молодежные вечера, колхозные собрания и сельские праздники (как рекомендовалось в программе «Полевая этнография» и в выступлении Богоразы на Совещании этнографов 1929 г.), небольшими группами (парами) вели фольклорные и лингвистические записи. Свободное сочетание методов можно объяснить общими корнями полевых исследований, уходящими в «народническую этнографию», полевую деятельность этнографического отделения Императорского Русского географического общества, членами которого и близкими колле-

¹ Т.С. Курец ссылается на отчет [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. К. 116. Ед. хр. 4. Л. 17, 30].

гами были Штернберг, Богораз и Золотарев, а также в практику переписи¹.

Направление ученика Богораза С.А. Макарьева в Петрозаводск, видимо, не было случайным. КНИИ на время стал базой для практической подготовки этнографов-полевиков, что позволяло будущим исследователям вооружиться опытом и методами, необходимыми для самостоятельной работы в «поле», в том числе для проведения длительных исследований разных народов. Так, уже в 1932 г. во время летних каникул участник практики 1931 г., будущий сотрудник МАЭ известный финноугровед Игорь Михайлович Лекомцев (1912–1941, родился в удмуртской семье) проводил полевую работу среди удмуртов и на основе собранных материалов «составил карту расселения удмуртского рода» [Решетов 1995: 11]. Летом 1935 г. он тем же методом экскурсии обследовал сельские общины трех районов Удмуртской АССР — Базинского, Глазовского и Понинского (см. его отчет о поездке: [Лекомцев 1936]). Этнографические исследования продолжила еще одна участница поездки 1931 г., также будущая сотрудница Музея антропологии и этнографии, одна из первых женщин-якуток, получивших ученую степень, Ольга Всеволодовна Ионова.

Случай самого Макарьева можно рассматривать как успешный пример реализации «проекта Богораза» [Вахтин 2016; Лярская 2016]. Уроженец вепского края, хорошо владеющий родным языком и получивший этнографическое образование в университете, он проводил исследования у вепсов Карелии и Ленинградской области², вероятно, стараясь следовать стационарному методу, поскольку его собственные научные экспедиции носили индивидуальный характер. Так, в 1930 г. Макарьев продолжал заниматься выбранной в студенческие годы темой и в течение месяца работал среди вепсов Шелтозерского района Карелии и Оштинского района Ленинградской области в рамках большого исследования ИПИИ, сформулированного как «изучение этногонических процессов, в частности изучение пережиточного мировоззрения в языке и верованиях вепсов, коми и тунгусов» [СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 194. Л. 2]. В «Отчете об экспедициях ИПИИ в 1930 году» о поездке Макарьева и результатах его работы говорилось более подробно:

¹ На подобный «сплав» в полевой истории Богораза и Штернберга, обильно одобренный методикой и подходами Боаса и немецкой традиции, указывают, например, Д.В. Арзютов и С.А. Кан [Арзютов, Кан 2013: 48].

² Ср. его работы: «Стоянки первобытного человека в Прионежье» (Наука и техника. 1928. № 2); «Вепсы (этнографический очерк)» (Карело-Мурманский край. 1929. № 1); «Береста в вепском быту» (Финно-угроведение. 1931. № 1); «Вепсянка приобщается к культурной жизни (Карелия)» (Просвещение национальностей. 1931. № 3); «Вепсы: этнографический очерк» (Л., 1932). Более полный список работ см.: [Савватеев 1999: 40–41].

3) Научная командировка к вепсам. Поездка была направлена в Шелтозерский район Карельской АССР и в Оштинский район Ленингр[адской] обл[асти] (б[ывший] Лодейнопольский уезд). Командировка выполнена зав[едующим] Карельским Гос[ударственным] Музеем С.А. Макарьевым. Продолжительность командировки 1 месяц. Средства 300 руб. (госбюджет А[кадемии] Н[аук]). В задачи командировки входили учет и выявление удержавшихся в той или иной мере пережитков древнейших социальных формаций и религиозных систем, конкретно — пережитков тотемизма, выявление взаимоотношений с ближайшими соседями, собирание подготовительных материалов по вопросу о социальных языках среди вепсов, учет и регистрация племенных названий вепсов у ближайших соседей и самоназвания вепсов. Обработка результатов командировки будет закончена к 1.III.[19]31 г. Достижения — составлен словарь вепсского языка (2000 слов), собрано около 1500 топонимических названий, собран материал по Вознесенскому говору (русский язык с примесью вепсского), составлены словари терминов родства, собственных имен, терминов кузнечного промысла, рыболовства, охоты, сапожного ремесла, портняжного ремесла, мельничного промысла, сельского хозяйства, предметов питания и т.д. Произведена запись праздника «Киселев день» и выявлен ряд общественно-политических моментов, о которых составляется специальная докладная записка в Совнацмен¹. [СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 194. Л. 6]

Со временем Макарьев не только не утратил связи со своим учителем, но и всячески стремился привлекать его к научной деятельности в Карелии. Так, в Научном архиве КарНЦ РАН хранятся машинописные тезисы курсов, прочитанных Бого-разом в 1930-е гг.: курс лекций по этногеографии СССР (см. тезисы: [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 32. Ед. хр. 3]) и по темам «Материальная культура первобытных народов» и «Эволюция хозяйственных форм» (см. программы курсов: [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 32. Ед. хр. 240]).

Полевые исследования в Карелии на рубеже 1920–1930-х гг. демонстрируют постепенный переход от комплексного этнографического (или антрополого-этнографического) исследования, частью которого мыслилось фольклорное «поле», к более специализированному — фольклористическому. Значительно сузились предметная область и задачи собирательской работы,

¹ Совет по просвещению национальных меньшинств.

сместившись в сторону изучения современных форм быта и фольклора, в частности фольклора Гражданской войны и колхозов, а также исследования трансформации традиционных жанров. Этот переход был сопряжен с разгромом этнографического образования и этнографии¹ и наметил поворот в фольклористике, усилив ее дальнейшее размежевание с этнографией.

Приложение

1

ПЕРЕЧЕНЬ

этнографических экспедиций в Карелию с 1917 по 1932 г.

1) Карельская Этнографическая экспедиция 1926 г. студентов Л.Г.У. под руководством С.А. Макарьева. Отчеты экспедиции напечатаны в «Экономика и статистика Карелии» 1927 г. № 4–6 (статья С.А. Макарьева «У прионежских вепсов»), «Экономика и статистика Карелии» 1928 г. № 1, стр. 108, «Этнограф-исследователь» 1927 г. № 1.

2) Научная командировка в 1925 г. на Онежский лесопильный завод научн[ого] сотр[удника] Академии Истории Материальной культуры тов[арища] М.В. Фармаковского. Тематика — изучение быта заводских рабочих.

3) Московская фольклорная экспедиция 1926 г. Госуд[арственной] Академи[и] Художественных Наук под руководством проф[ессора] Ю.М. Соколова в Заонежье и Пудожский уезд.

Обзор работ напечатан в «Экономика и статистика Карелии» 1926 г. № 7–8, в «Известиях» 1926 г. № 204.

Экспедиция продолжала работу в 1928 г. в районе Водлозеро, Пудожского района АКССР в составе 6-ти сотрудников под руководством Б.М. Соколова.

4) Карельская Этнологическая экспедиция Академии Наук СССР организованная в 1926 г. и продолжавшаяся до 1930 г. под руководством Д.А. Золотарева. В 1926 г. экспедиция работала в составе научн[ых] сотр[удников]: [Х.Ф.] Жеребцова, [А.Л.] Колобаева и [С.Д.] Синицина. Экспедицией собраны материалы по антропологии, языку, народному творчеству, постройкам, одежде, технике, рыболовству, оленеводству, сельскому хозяйству, семейной и общественной жизни и др. сторонам быта. В 1927 г. работало 3 отряда: Ухтинский отряд собрал материалы по быту края, в Олонецком Крае произведено антропологическое, медико-санитарное и этно-

¹ Исключение составляла, как показала Е.В. Лярская, Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера (НИА ИНС), имевшая прямое подчинение Академии наук и продолжившая до середины 1930-х живую и разностороннюю образовательную и научную деятельность [Лярская 2016].

графическое обследование, третий отряд занимался изучением антропологических особенностей русского населения с целью сравнения с карелами. В отрядах участвовали научные сотрудники [П.П.] Ефименко, [А.И.] Емельянов, [В.В.] Чернолуцкий, [Л.Л.] Капица, [С.Д.] Синицин, [Г.Х.] Богданов и др.

В 1928 г. экспедицией велось изучение этнографических особенностей оседлого оленеводства Сев[ерной] Карелии.

В 1929 г. работы велись в Олонецком и Прионежском [районах] по всестороннему этнологическому изучению населения, антрополого-медико-санитарному исследованию и др. Состав: [Г.Х.] Богданов, [Р.М.] Габеев, [П.П.] Ефименко, [В.И.] Равдоникас, [С.Д.] Синицин, [Ф.Г.] Иванов-Дятлов и др.

В 1930 г. экспедиция продолжала работу по комплексному изучению населения Карелии.

5) Прионежская экспедиция 1926 г. Госуд[арственного] Института Истории Искусств (Ленинград) под руководством К.К. Романова в составе 20 научн[ых] сотр[удников] в количестве 4 отрядов: Изо, литературы и словесности, музыкального и театрального. Обследовано 72 селения. Результаты экспедиции напечатаны в «Искусство Севера, Заонежья» Ленинград, 1927 г. Отзыв ст[атья] «Экономика и статистика Карелии» 1927 № 4–6.

6) Северно-великорусская экспедиция 1927 г. Центрального Музея Народоведения под руководством Самарина Ю.А. Экспедиция была организована с разведочной целью для дальнейшей проработки специальных тем. Экспедиция была объединена с Фольклорной экспедицией Академии Художественных Наук.

7) Научная экспедиция по охране памятников старины 1927 г. от Наркомпроса АКССР в составе трех сотрудников: [А.Н.] Нечаев (ГИИИ), [Н.А.] Морозов (Главнаука), [Н.А.] Маковская (художник). В результате экспедиции был сделан доклад «Памятники не беспризорны» в Обществе Изучения Карелии. Материалы доклада находятся в Наркомпросе АКССР.

8) Экспедиция Московского Госуд[арственного] Исторического Музея с 1926 по 1928 г. под руководством А. Брюсова в районах: Летняя Золотица Архангельской губ[ернии] к устью р. Онеги до р. Сороки АКССР. Экспедиция работала по разведке и раскопке древних финских культур, русских селищ и доисторических стоянок.

9) Экспедиция на Поморский и Терский берег Белого моря 1928 г. Госуд[арственного] Института Истории Искусств под руководством В.И. Всеволодского-Гернгросса по изучению художественного быта населения.

10) Экспедиция в Шелтозерский район АКССР в 1930 г. организованная ИПИИ в составе зав[едующего] Карельским Госуд[арственным] Музеем С.А. Макарьева. Продолжительность экспедиции 2 месяца. Задачи экспедиции: 1) учет и выявление удержавшихся

в той или иной мере пережитков древнейших социальных формаций и религиозных систем, конкретно — пережитков тотемизма, 2) выявление взаимоотношений с ближайшими соседями, 3) собирание подготовительных материалов по вопросу о социальных языках среди вепсов, 4) учет и регистрация племенных названий вепсов у ближайших соседей и самоназвание вепсов. Предварительный отчет находится в научном архиве ИПИИ.

11) Северо-Западная экспедиция в Ухтинский район АКССР в 1931 г. организованная ИПИИ в составе М.Ю. Пальвадре, асп[ирантки] ИПИИ, и студ[ента] Л.Г.У. Мулло И.М. Цель экспедиции — 1) проверка выводов экспедиции КИПС 1926–[19]27 г. в отношении экономики и культурных влияний пограничного с Финляндией карельского населения, 2) изучение современного экономического положения ухтинских карел, 3) изучение буржуазно-националистического движения 1906–1910 гг. Материал экспедиции сдан в печать в виде сборника 1) Общий отчет экспедиции (2 печ[атных] л[иста]), М.Ю. Пальвадре и И.М. Мулло. 2) Краткий отчет экспедиции напечатан в «Советской этнографии» № 3–4 за 1931 г. и «Карело-Мурманский край» 1932 г. № 1–2¹.

12) Карельская фольклорная экспедиция ИПИИ в Беломорье (Сорокский и Повенецкий районы) и Медвежьегорский район АКССР. Состав экспедиции — сотр[удники] ИПИИ А.М. Астахова, И.В. Карнаухова и А.Н. Нечаев. Продолжительность 2 ½ мес. Цель экспедиции — 1) изучение фольклора гражданской войны и 2) рыбацких колхозов Беломорья. Экспедицией собрано 2729 текстов фольклорного материала и записано 30 валиков песен на фонограф. Вся работа проведена среди русского населения. Экспедиция была организована совместно с Карельским Научно-Исследовательским Институтом под руководством ИПИИ. Материалы в настоящее время обрабатываются. [СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 282. Л. 1–2]

2

Копия письма т. Макарьеву
Послано 17 II 1932 г.

Многоуважаемый товарищ.

Для разработки плана Карельской фольклорной экспедиции нам необходим производственный план Карельского Научно-Исследовательского Института. Об этом я хотел[а] писать Вам, но узнал[а], что Северный сектор уже обратился к Вам с подобным предложением. Как только получим план, приступим к детальной разработке плана и программы экспедиции.

Пока же мы сообщаем Вам нашу основную установку относительно экспедиции. Мы считаем, что главной задачей следует поставить

¹ Имеются в виду публикации: [Пальвадре 1931; 1932].

собрание и изучение современного фольклора. В соответствии с этим мы выдвигаем 2 основные темы: 1) Фольклор гражданской войны; 2) фольклор колхозов. Для выполнения первой темы мы начинаем (по фольклору русского населения в Карелии) район Медвежья Гора — Повенец — Выгозеро — Кемь; для выполнения второй темы — район Шульгского полуострова. 2-й район намечается по следующим основаниям: в 1926 году в данном районе собран значительный материал; сейчас полуостров покрыт сетью колхозов. Имея богатый сравнительный материал, мы можем четко разрешить связанные с проблемой колхозного фольклора вопросы: об идеологических сдвигах, отраженных в фольклоре, о перестройке старых фольклорных явлений в связи с ломкой и перестройкой быта и т.п. Но мы считаем также, что при изучении фольклора колхозов необходимо и экономо-этнографическое изучение колхоза, таким образом, экспедиция на Шульгский полуостров должна быть комплексной. Есть ли в составе вашего Института соответствующие работники, которым могла бы быть поручена данная работа?

Вообще нам желательно знать, сколько намечается сотрудников экспедиции из числа местных работников. Каков вообще численный состав экспедиции. Будучи в Ленинграде, Вы говорили о 20 сотрудников. Остается ли это количество без изменений. Сколько из общего числа сотрудников экспедиции Вы думаете отделить для собрания и изучения фольклора карельского и сколько для изучения фольклора русского. У нас пока намечено для участия в экспедиции трое фольклористов, кроме Тяпониной [так!] и Каминской, опытных собирателей, знающих старое фольклорное наследие Карелии, все участники экспедиции 1926 г., экспедиции пока намечаются на май-июнь.

Теперь относительно издательских дел. В план изданий РИСО на 1932 г. включили сборник по фольклору русского населения Карелии на основаниях, по которым мы с Вами договаривались (10 листов за счет Академии, 10 — за счет Карельского Научно-Исследовательского Института). Сообщите нам, как Вы думаете реализовать данное соглашение, сможете ли Вы выделить полагающийся на вашу долю листаж или оплатить его денежно. К подготовке сборника мы уже приступили. Но нам срочно нужен материал, собранный Тяпониной и Каминской летом. Отсутствие этого материала задерживает разработку плана сборника. Сборник же должен быть сдан в печать до отправления в летнюю экспедицию. Очень необходимы также сведения о социальном положении сказителей, записанных раньше. Список этих сказителей тт. Тяпониной и Каминской оставили в Институте. Было бы хорошо, если бы Вы форсировали это дело.

Ждем в ближайшее время ответа от Вас. Пока мы приступили к обработке литературы о гражданской войне и о колхозном строительстве в Карелии.

Тт. Тяпониной и Каминской сдали нам отчет о своей работе, так же как и валики и часть переписанных материалов. Материалы

сейчас же поступили в переписку на машинке, один из печатных вариантов будет переслан Вам. С своими задачами они справились прекрасно, материалы собраны ценные, фонозаписи произведены тщательно, и мы считаем чрезвычайно желательным их участие в летней экспедиции.

Посылаем Вам смету расходов по экспедиции. Рассчитана она на 20 человек. В смету не включены разъезды на местах, так как, не зная местных условий переезда, исчислить их нам не представляется возможным. В смету не включена и зарплата (Академия дает суточные сверх зарплаты). Мы исходим из предположения, что все привлекаемые сотрудники имеют постоянную службу, и зарплату за месяцы экспедиции будут получать своим порядком. Расходы по снаряжению даны приблизительные, их нужно еще проработать в соответствии с тем, чем Институт располагает (фотоаппараты и проч.).

Секретарь Фольклорной секции (Астахова)
[СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 5. Д. 11. Л. 3–4]

3

[Письмо сотрудников Фольклорной секции ИПИИ к С.А. Макарьеву]

Письмо в КНИИ

Совершенно необходимо, чтобы он [Г.А. Никитин] привез окончательно постановления относительно экспедиции, чтобы мы могли совместно их обсудить и полномочия для заключения договоров с ленинградскими товарищами, которые будут включены в экспедицию. Если это сделано не будет, мы можем потерять наиболее квалифицированных работников. И так, вследствие такой неопределенности в вопросе экспедиции, некоторые уже отпали. Должны быть точно установлены календарные сроки, количество участников экспедиции вообще, количество участников из Ленинграда и т.д. До сих пор неизвестны районы и тематика в целом. Отсутствие всех этих точных и определенных данных в целом невыгодно отражается на всем ходе подготовки экспедиции. Так совершенно неизвестны нам те задания, которые будут даны тт. Тяпкиной и Каминской, а, следовательно, мы не можем оказать им помощь руководством и инструктажем. В каком отношении будет их работа и работа других товарищей. Чем обусловлено именно их направление на Шуньский полуостров, в то время как в Ленинграде есть товарищи, работавшие в этом районе и изучившие его в прежние годы.

Не рациональнее бы было включить хоть одного из них в отряд, посылаемый в данный район, если работа в нем будет являться частью той работы, которая развернется позднее.

Не явится ли срок — середина июня — слишком поздним для экспедиции.

Очень ждем от Вас скорейшего разрешения всех вопросов, которые нас здесь тревожат.

Дальнейшее промедление ставит под угрозу срыва саму экспедицию.
[СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 5. Д. 5. Л. 7]

4

Протокол
ПОВЕСТКА ДНЯ

1. О Карельской экспедиции

Председатель — т. Азадовский Секретарь — А. Астахова.

СЛУШАЛИ:

1. Информацию т[оварища Г.А.] Никитина о Карельской Экспедиции

Намечен следующий план работ для русской части экспедиции. Работа будет производиться в двух направлениях: 1) в Заонежье для завершения работ, производившихся в 1931 г. и 2) Беломорье. Заонежский отряд в составе двух лиц, т.т. Каминской и Тяпкиной, должен будет охватить район Шуньгского полуострова, Песчанца и Пудожской горки. Направление в этот район именно т.т. Каминской и Тяпкиной обусловлено тем, что они уже поработали в южной части этого района, освоились с местными условиями работы, и их, как собирателей начинающих и неопытных, было бы нецелесообразно перебрасывать в другой район.

Беломорский отряд, в составе 4-х работников из Ленинграда и 4-х местных будет производить работу в следующих пунктах: Сумский посад, Сорока, Кемь, Ковда и Кереть. При этом организация работы мыслилась таковой: в каждый из 4-х пунктов (Ковда и Кереть объединяются) направляется один из ленинградских товарищей и ему в помощь прикомандировывается один местный работник.

<...> Начало экспедиции для северной группы первая половина июня, для шуньгской — середина мая. Продолжительность экспедиционных работ — 2 месяца.

<...>

2. Соображения т[оварища] Азадовского. Считает распределение сил правильным, но думает, что следует дней на 10 направить одного из участников экспедиции 1926 г[ода] на Шуньгский полуостров для предварительных организационных работ.

<...>

СЛУШАЛИ:

3. Информацию т. Никитина о материальном снабжении экспедиции. Всем участникам предлагаются суточные в размере 175 руб. в месяц и оплата проездных.

[СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 188. Л. 50–51]

Благодарности

Финансовое обеспечение исследования А.С. Лызловой осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (регистрационный номер темы 124022000077-1).

Список сокращений

- АКССР — Автономная Карельская Социалистическая Советская Республика
 ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
 ГАХН — Государственная академия художественных наук
 ГИИИ — Государственный институт истории искусств
 ИПИИ — Институт по изучению народов СССР
 КЕПС — Комиссия по изучению естественных производительных сил
 КИПС — Комиссия по изучению племенного состава населения СССР
 КНИИ / КАРНИИ — Карельский научно-исследовательский институт
 ЛГИЛИ / ЛИЛИ — Ленинградский (государственный) историко-лингвистический институт
 ЛГУ — Ленинградский государственный университет
 ЛИФЛИ — Ленинградский институт философии, лингвистики и истории
 ЛОИКФУН — Ленинградское общество исследователей культуры финно-угорских народностей
 НА КарНЦ РАН — Научный архив Карельского научного центра Российской академии наук
 РИСО — Редакционно-издательский совет АН СССР
 РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
 Совнацмен — Совет по просвещению национальных меньшинств
 СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
 ФА ИРЛИ — Фонограммархив Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
 ЦГАЛИ СПб — Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга

Архивные материалы

- НА КарНЦ РАН. Ф. Р. VI. Оп. 1. Документы антропологических, этнографических экспедиций студентов ЛГУ. 1924–1931 гг.
 НА КарНЦ РАН. Ф. Р. VI. Оп. 1. Ед. хр. 3. Бернштам А.[Н.] Дневник 1929 г. с. Шуя, Петрозаводского р-на (Прионежского) АКССР.
 НА КарНЦ РАН. Ф. Р. VI. Оп. 1. Ед. хр. 73. Котлярова Н.Г. Дневник этнографической экспедиции 1931 г. Дер. Конда, Сенная Губа Заонежского района АКССР.
 НА КарНЦ РАН. Ф. Р. VI. Оп. 1. Ед. хр. 82. Николович Б.П. Дневник 1931 г. Карелия. Заонежский р-н Сеногубский с/совет.

- НА КарНЦ РАН. Ф. Р. VI. Оп. 1. Ед. хр. 84. Николович [Б.П.] Реальные записи на тему: «Сенно-губский с/с». 1931 г.
- НА КарНЦ РАН. Ф. Р. VI. Оп. 1. Ед. хр. 94. Тяпонкина Н.Н. Дневник этнографической экспедиции. 1931 г.
- НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. К. 66. Фольклористические записи д.д. Леликово, Сенная Губа, Конда Заонежского района. 1931 г. Ед. хр. 32. Тяпонкина Н.Н. Говоры Заонежья. Реальные записи. 1931 г.
- НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. К. 116. Ед. хр. 4. Отчет о работе фольклорной экспедиции КНИИ и фольклорной секции ИАЭ АН СССР летом 1933 г.
- НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 3. Ед. хр. 12. О проведении этнографических, археологических исследований в Карелии, изучении языков финских народов. 1929–1931 гг.
- НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 32. Ед. хр. 3. В.Г. Тан-Богораз. Курс этногеографии СССР. Тезисы лекций (I–XV). Б/д.
- НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 32. Ед. хр. 131. Астахова А.М. Изучение фольклора русского населения Карелии. Экспедиции 1931–1932 гг. 1932 г.
- НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 32. Ед. хр. 240. Программа курсов, читаемых проф. В.Г. Богоразом по темам: 1. Материальная культура первобытных народов. 2. Эволюция хозяйственных форм. 1934 г.
- РО ИРЛИ. Р. V. К. 26. П. 3. Материалы экспедиции М.Б. Каминской в Заонежье. Лето 1931 г.
- РО ИРЛИ. Р. V. К. 26. П. 3. Ед. хр. 11. Записи М.Б. Каминской в июле-августе 1931 года в Заонежье. 1931 г.
- СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 958. Золотарев Давид Алексеевич, научный сотрудник КИПС. Личное дело. Б/д.
- СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 116. Фольклорная секция: планы, отчеты, протоколы, дневник работы. 1932 г.
- СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 120. Отчеты ИПИН, его секторов и сотрудников за 1931–32 гг. с приложением материалов к отчетам. 1931–1932 г.
- СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 166. По планированию экспедиций и письма с мест полевых работ. 1932 г.
- СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 188. Переписка с академическими учреждениями по научно-организационным, издательским вопросам и о выдаче книг. 1931 г.
- СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 194. По планированию отчетности экспедиций и по издательским вопросам, в том числе протоколы ИПИН и списки представленных в члены ИПИН. 1931–1933 гг.
- СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 282. Перечень этнографических экспедиций в Карелию с 1917 по 1932 г. с краткими сведениями. 1932 г.
- СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 5. Д. 5. Протоколы научных и рабочих заседаний Фольклорной секции ИПИН. 1931–1932 гг.
- СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 5. Д. 11. Переписка Фольклорной секции Института антропологии и этнографии (ИАЭ) с Карельским научно-исследовательским институтом. 1931–1935 гг.

- СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 173. Богораз-Тан В.Г. [По деятельности в ЛГУ]. Материалы по преподавательской деятельности на Этнографическом отделении Географического факультета ЛГУ, докладные записки, отчеты, программы занятий, отпуска писем к Наркому Просвещения А.В. Луначарскому по вопросу о закрытии этнографического отделения. Часть 1. Б/д.
- ЦГАЛИ СПб. Ф. 328. Оп. 2. Д. 1667. Зачетная книжка Н.Н. Тяпкиной (Бородиной). 1930–1933 гг.

Источники

- Астахова А.М. Карельские фольклорные экспедиции (1931–1933 гг.) // Советская этнография. 1934. № 1–2. С. 215–219.
- Астахова А.М. М.Б. Каминская (некролог) // Азадовский М.К. (отв. ред.). Советский фольклор: сб. статей и мат.-лов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Вып. 2–3. С. 462.
- Баринова Л.В., Литвин Ю.В. (сост.). Логозерские дневники студентов-этнографов, июнь 1930 года: сб. документов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2022. 385 с.
- [Былины Заонежья 2018] Кузнецова В.П., Лызлова А.С., Марковская Е.В. (сост.). Былины Заонежья. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2018. 640 с.
- [Былины Севера 1951] Астахова А.М. (подгот.). Былины Севера. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 2: Прионежье, Пинега и Поморье. 848 с.
- Гаген-Торн Н.И. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы (у истоков советской этнографии) // Советская этнография. 1971. № 2. С. 134–145.
- [ГВ 1925] Географический вестник. 1925. Т. 2. Вып. 3–4. С. 58.
- [Данилин 1931] А.Д. Институт по изучению народов СССР (ИПИН) // Советская этнография. 1931. № 1–2. С. 157–162.
- Дюжев Ю.И. (сост.). Шуя, июнь 1929: Быт севернорусской деревни. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2006. 154 с.
- [Карта 1934] Национальный состав Ленинградской области и Карельской АССР. Население / Сост. ГЭНИИ; выполнил С.Д. Сеницын, под ред. Д.А. Золотарева. 1:2000000. Л.: ГЭНИИ при ЛГУ, 1934. 1 л. 78x49.
- Королькова Л.В., Петряшин С.С., Фишман О.М., Шангина И.И. Собиратели: Золотарев Давид Алексеевич // Российский этнографический музей. <<https://www.ethnomuseum.ru/collections/collectors/zolotarev-david-alekseevich/>>.
- Культурное строительство в Советской Карелии, 1926–1941. Народное образование и просвещение: документы и материалы. Петрозаводск: Карелия, 1986. 176 с.
- Курец Т.С. (подгот.). Исполнители фольклорных произведений (Заонежье, Карелия). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008. 372 с.
- Листопадов А.М. Песни донских казаков: в 5 т. / Под общ. ред. Г. Сердюченко. М.: Музгиз, 1951. Т. 3. 486 с.
- Маторин Н.М. (ред.). Труд и быт в колхозах. Из опыта изучения колхозов. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. Сб. 1: Из опыта изучения колхозов в Ле-

нинградской области, Белоруссии и Украине. 210 с.; Сб. 2: Колхозы Советского Востока (Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Армения). 133 с.

Пальвадре М. Экспедиция в Северо-Западную Карелию // Советская этнография. 1931. № 3–4. С. 207–209.

Пальвадре М. Экспедиция в Северо-Западную Карелию (Ухтинский район) // Карело-Мурманский край. 1932. № 1–2. С. 75–77.

Пальчиков Н. Крестьянские песни, записанные в селе Николаевке, Мензелинского уезда, Уфимской губернии. СПб.: А.Е. Пальчиков, 1888. XVIII+129 с.

Стенограмма совещания этнографов Москвы и Ленинграда // Арзютов Д.В., Алымов С.С., Андерсон Д.Дж. (ред.). От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.). СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 93–496.

Библиография

Алымов С.С. П.И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950-е годы. М.: ИЭА РАН, 2006. 256 с.

Алымов С.С., Арзютов Д.В. Марксистская этнография за семь дней: совещание этнографов Москвы и Ленинграда и дискуссии в советских социальных науках в 1920–1930-е годы // Арзютов Д.В., Алымов С.С., Андерсон Д.Дж. (ред.). От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.). СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 21–90.

Алымов С.С., Подрезова С.В. Этнос на карте: географическое воображение школы Ф.К. Волкова // Этнографическое обозрение. 2017. № 5. С. 85–103.

Арзютов Д.В. Полевые программы Штернберга и Богораза: от концепции поля к категоризации этничности // Резван Е.А. (ред.). Лев Штернберг — ученый, гражданин и человек: к 150-летию со дня рождения. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 240–247.

Арзютов Д.В., Кан С.А. Концепция поля и полевой работы в ранней советской этнографии // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 45–68.

Астахова А.М., Колпакова Н.П. Старая и новая Карелия в частушке. Петрозаводск: Кирья, 1937. 160 с.

Барина Л., Литвин Ю., Минвалеев С., Петров А. Предисловие // Барина Л.В., Литвин Ю.В. (сост.). Логмозерские дневники студентов-этнографов, июнь 1930 года: сб. документов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2022. С. 5–22.

Богораз-Тан В.Г. Подготовительные меры к организации малых народностей // Северная Азия. 1925. Кн. 3. С. 40–50.

Быковский С. Об очередных задачах изучения карел (по поводу книги Д.А. Золотарева «Карелы СССР») // Карело-Мурманский край. 1930. № 6. С. 10–12.

Вахтин Н. «Проект Богораза»: борьба за огонь // Антропологический форум. 2016. № 29. С. 125–141.

- Вахтин Н.Б. У истоков североведческого образования в Петербурге: соиздатели в эпоху interregnum // Сибирские исторические исследования. 2023. № 1. С. 64–95. doi: 10.17223/2312461X/39/4.
- Вахтин Н.Б., Лярская Е.В. Письма из поля: принципы ленинградской этнографической школы и советская реальность // Новое литературное обозрение. 2024. № 190 (6). С. 15–43.
- Винокурова И.Ю. Карелия в этнологических исследованиях // Мартынова М.Ю. (отв. ред.). Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики. М.: ИЭА РАН, 2022. С. 293–340.
- Давыдов В.Н., Сирина А.А. Тунгусская экспедиция 1927–1928 гг. и ее место в истории московской этнографической школы // Пивнева Е.А. (отв. ред., сост.). Поле как жизнь: к 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН. М.; СПб.: Нестор-история, 2017. С. 39–49.
- Золотарев А.А. Сampo Santo моей памяти. СПб.: Росток, 2016. 960 с.
- Золотарев Д.А. Изучение крестьянских построек в работах Верхне-Волжской этнологической экспедиции // Верхне-Волжская этнологическая экспедиция. Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края. Л.: Гос. акад. тип., 1926а. С. I–XVI.
- Золотарев Д.А. Вопросы изучения быта деревни СССР // Этнография. 1926б. № 1–2. С. 45–53.
- Золотарев Д.А. Этнический состав населения Северо-Западной области Карельской АССР: с 54 цифровыми табл. и 3 этнографич. картами. Л.: Изд-во АН СССР, 1926в. 117 с.
- Золотарев Д.А. Карелы СССР: по антропологическим данным автора, статистически обработанным А.К. Штамм. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. 124 с. + XXXIII л.
- Иванова Л.И. Григорий Харитонович Богданов — общественно-политический деятель и первый северно-карельский собиратель и исследователь народной культуры и языка // Кирикова Н.Ю., Ягодкина В.А. (сост.). Краеведческие чтения: мат-лы XI науч. конф. Петрозаводск: Нац. библиотека Республики Карелия, 2017. С. 279–297.
- Кан С.А. Франц Боас и Советская Россия: 25 лет амбивалентности // Сибирские исторические исследования. 2021. № 1. С. 40–61. doi: 10.17223/2312461X/31/4.
- Королькова Л.В. Вепсы: фотографии и рукописи из собрания Российского этнографического музея. СПб.: Инкери, 2015. 240 с.
- Кузнецова В.П. Былины Заонежья в XX в. // Кузнецова В.П., Лызлова А.С., Марковская Е.В. (сост.). Былины Заонежья. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2018. С. 10–25.
- Кузнецова В.П., Логинов К.К. Русская свадьба Заонежья (конец XIX — начало XX в.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. 328 с.
- Лекомцев И.М. Поездка в Удмуртскую АССР // Советская этнография. 1936. № 1. С. 155–157.
- Лярская Е. «Ткань Пенелопы»: «проект Богораза» во второй половине 1920-х — 1930-х гг. // Антропологический форум. 2016. № 29. С. 142–186.

- Макарьев С.А. У прионежских вепсов // Экономика и статистика Карелии. 1927. № 4–6. С. 54–74.
- Макарьев С.А. Полевая этнография: краткое руководство и программа для сбора этнографических материалов в СССР / Под ред. проф. В.Г. Богораза. Л.: Этнографич. экскурсионная комис. Этноотделения Геофака ЛГУ, 1928. 103 с.
- Макарьев С.А. Наука — на службу социалистическому строительству // Советская Карелия. 1931. № 8–10. С. 23–35.
- Москвина Д.А. Прикладная наука в Институте по изучению народов СССР в Академии наук СССР в 1930-е: проект колхозной этнографии // Кунсткамера. 2021. № 1 (11). С. 75–87.
doi: 10.31250/2618-8619-2021-1(11)-75-87.
- Нитобург Э.Л. Ю.П. Петрова-Аверкиева: ученый и человек // Тумаркин Д.Д. (ред.). Репрессированные этнографы. 2-е изд. М.: Вост. лит., 2003. Вып. 2. С. 399–428.
- Петряшин С. Этнологические станции 1920-х гг.: к истории стационарного метода в советской этнографии // Антропологический форум. 2025. № 67. С. 28–58. doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-67-28-58.
- Подрезова С.В. Навстречу обонежским томам Свода русского фольклора: материалы экспедиций фольклорной секции ИПИИ 1931–1932 гг. в собрании Пушкинского Дома // Словесность и история. 2023. № 3. С. 130–148. doi: 10.31860/2712-7591-2023-3-130-148.
- Решетов А.М. Отдание долга. Часть II: Памяти сотрудников Института этнографии АН СССР — воинов Великой Отечественной войны // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 3–20.
- Савватеев Ю.А. Степан Андреевич Макарьев: жизнь и деятельность (к 100-летию со дня рождения) // Винокурова И.Ю. (науч. ред.). Вепсы: история, культура, межэтнические контакты. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. С. 10–41.
- Сенькина Т.И. Собрание и изучение русского фольклора Карелии в 1920–1930-е годы // Сенькина Т.И. Забытые и неизвестные страницы истории фольклористики Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2012. С. 43–61.
- Шангина И.И. Д.А. Золотарев (к 100-летию со дня рождения) // Советская этнография. 1985. № 6. С. 76–84.
- Шангина И.И., Аксянова Г.А. Давид Алексеевич Золотарев — этнограф, антрополог, организатор науки в России начала XX века // Сирина А.А. (отв. ред.). Три века российской этнографии: страницы истории. М.: ИЭА РАН, 2017. С. 221–244.

Student Expeditions to the Zaonezhye in the Early 1930s: Theory and Practice of the “Field”

Anastasia Lyzlova

Institute of Linguistics, Literature and History, KarRC RAS
11 Pushkinskaya Str., Petrozavodsk, Russia
alyzlova@mail.ru

Svetlana Podrezova

Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), RAS
4 Makarova Emb., St Petersburg, Russia
podrezova@yandex.ru

The article discusses student expeditions from the Department of Ethnography of Leningrad State University / Leningrad State Historical and Linguistic Institute to the Karelian ASSR, conducted in 1929–1931. Based on an analysis of documents, it concludes that the Karelian Research Institute (KRI) can be considered a temporary base for the practical training of ethnographers working in the field. The expeditions were led by S. A. Makaryev, a student of V. G. Bogoras, the author of the classic programme *Field Ethnography*, and deputy director of the KRI. The first part of the article examines theories of the “field” and their practical implementation using the example of student ethnographers’ expeditions to Karelia. The surviving field diaries and collected materials indicate that the methods of V. G. Bogoras and D. A. Zolotarev were combined in the work of the student expeditions. The second part is devoted to further joint folklore expeditions of the Institute for the Study of the Peoples of the USSR and the KRI in which the students M. B. Kaminskaya and N. N. Tyaponkina participated. These preserve the theoretical principles set out in Makaryev’s *Field Ethnography*. During the collection work carried out in Karelia there is a gradual transition from a comprehensive ethnographic (or anthropological-ethnographic) study, of which the folklore “field” was considered to be a part, to a more specialised one — folkloristics. The subject area and tasks of the collection work narrowed significantly, shifting towards the study of modern forms of life and folklore. The article introduces into scientific circulation numerous archival documents regarding the conduct of the Zaonezhye expeditions.

Keywords: field methods, Zaonezhye, V. G. Bogoras, S. A. Makaryev, D. A. Zolotarev, student expeditions.

Acknowledgements

Financial support for the research of A. S. Lyzlova was provided from the federal budget for the implementation of the state assignment of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (project no. 124022000077-1).

References

- Alymov S. S., P. I. Kushner *i razvitie sovetskoy etnografii v 1920–1950-e gody* [P. I. Kushner and the Development of Soviet Ethnography in the 1920s–1950s]. Moscow: IEA RAS Press, 2006, 256 pp. (In Russian).
- Alymov S. S., Arzyutov D. V., ‘Marksistskaya etnografiya za sem dney: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada i diskussii v sovetskikh sotsialnykh naukakh v 1920–1930-e gody’ [Marxist Ethnography in Seven Days: A Meeting of Ethnographers from Moscow and Leningrad and Debates in Soviet Social Sciences in the 1920s–1930s], Arzyutov D. V., Alymov S. S., Anderson D. J. (eds), *Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 aprelya 1929 g.)* [From the Classics to Marxism: The Meeting of Ethnographers from Moscow and Leningrad (5–11 April 1929)]. St Petersburg: MAE RAS Press, 2014, pp. 21–90. (In Russian).
- Alymov S. S., Podrezova S. V., ‘Etnos na karte: geograficheskoe voobrazhenie shkoly F. K. Volkova’ [Ethnos on the Map: Geographical Imagination of the School of Fedor Volkov], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2017, no. 5, pp. 85–103. (In Russian).
- Arzyutov D. V., ‘Polevye programmy Shternberga i Bogoraza: ot kontseptsii polya k kategorizatsii etnichnosti’ [The Fieldwork Programmes of Sternberg and Bogoraz: From the Concept of the Field to the Categorisation of Ethnicity], Rezvan E. A. (ed.), *Lev Shternberg — uchenyy, grazhdanin i chelovek: k 150 letiyu so dnya rozhdeniya* [Lev Sternberg — Scholar, Citizen and Person (on the 150th Anniversary of His Birth)]. St Petersburg: MAE RAS Press, 2012, pp. 240–247. (In Russian).
- Arzyutov D. V., Kan S. A., ‘Kontseptsiya polya i polevoy raboty v ranney sovetskoy etnografii’ [The Concept of the Field and Fieldwork in Early Soviet Ethnography], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2013, no. 6, pp. 45–68. (In Russian).
- Astakhova A. M., Kolpakova N. P., *Staraya i novaya Kareliya v chastushke* [Old and New Karelia in a *Chastushka*]. Petrozavodsk: Kirya, 1937, 160 pp. (In Russian).
- Barinova L., Litvin Yu., Minvaleev S., Petrov A., ‘Predislovie’ [Preface], Barinova L. V., Litvin Yu. V. (comps), *Logmozerskie dnevniki studentov-etnografov, iyun 1930 goda* [The Logmozero Diaries of Ethnography Students, June 1930]: A collection of documents. Petrozavodsk: Karelian Research Centre RAS Press, 2022, pp. 5–22. (In Russian).
- Bogoras-Tan V. G., ‘Podgotovitelnye mery k organizatsii malyykh narodnostey’ [Preparatory Measures for the Organisation of Small Peoples], *Severnaya Aziya*, 1925, book 3, pp. 40–50. (In Russian).
- Bykovskiy S., ‘Ob ocherednykh zadachakh izucheniya karel (po povodu knigi D. A. Zolotareva “Karely SSSR”)’ [On the Next Tasks of Studying

- the Karelians (Regarding the book by D. A. Zolotarev *Karelians of the USSR*), *Karelo-Murmanskiy kray*, 1930, no. 6, pp. 10–12. (In Russian).
- Davydov V. N., Sirina A. A., 'Tungusskaya ekspeditsiya 1927–1928 gg. i ee mesto v istorii moskovskoy etnograficheskoy shkoly' [The Tungus Expedition of 1927–1928 and Its Place in the History of the Moscow Ethnographic School], Pivneva E. A. (ed., comp.), *Pole kak zhizn: k 60-letiyu Severnoy ekspeditsii IEA RAN* [The Field as Life: On the 60th Anniversary of the Northern Expedition of the IEA RAS]. Moscow; St Petersburg: Nestor-istoriya, 2017, pp. 39–49. (In Russian).
- Ivanova L. I., 'Grigoriy Kharitonovich Bogdanov — obshchestvenno-politicheskii deyatel i pervyy severno-karelskiy sobiratel i issledovatel narodnoy kultury i yazyka' [Grigory Kharitonovich Bogdanov — a Public and Political Figure and the First North Karelian Collector and Researcher of Folk Culture and Language], Kirikova N. Yu., Yagodkina V. A. (comps), *Kraevedcheskie chteniya* [Local History Readings]: A proceedings of the 11th scientific conference. Petrozavodsk: National Library of the Republic of Karelia, 2017, pp. 279–297. (In Russian).
- Kan S. A., 'Frants Boas i sovetskaya Rossiya: 25 let ambivalentnosti' [Franz Boas and Soviet Russia: 25 Years of Ambivalence], *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2021, no. 1, pp. 40–61. (In Russian).
doi: 10.17223/2312461X/31/4.
- Korolkova L. V., *Vepsy: fotografii i rukopisi iz sobraniya Rossiyskogo etnograficheskogo muzeya* [The Veps: Photographs and Manuscripts from the Collection of the Russian Ethnographic Museum]. St Petersburg: Inkeri, 2015, 240 pp. (In Russian).
- Kuznetsova V. P., 'Byliny Zaonezhya v XX v.' [Bylinas of the Zaonezhye in the 20th Century], Kuznetsova V. P., Lyzlova A. S., Markovskaya E. V. (comps), *Byliny Zaonezhya* [Bylinas of the Zaonezhye]. Petrozavodsk: Karelian Research Centre RAS Press, 2018, pp. 10–25. (In Russian).
- Kuznetsova V. P., Loginov K. K., *Russkaya svadba Zaonezhya (konets XIX — nachalo XX v.)* [Russian Weddings in the Zaonezhye (Late 19th — Early 20th Century)]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Press, 2001, 328 pp. (In Russian).
- Lekomtsev I. M., 'Poezdka v Udmurtskuyu ASSR' [Trip to the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic], *Sovetskaya etnografiya*, 1936, no. 1, pp. 155–157. (In Russian).
- Liarskaya E., "'Tkan Penelopy': "proekt Bogoraza" vo vtoroy polovine 1920-kh — 1930-kh gg.' ["Penelope's Cloth": The Bogoras Project from the Late 1920s–1930s], *Antropologicheskij forum*, 2016, no. 29, pp. 142–186. (In Russian).
- Makaryev S. A., 'U prionezhskikh vepsov' [Among the Prionezhsky Veps], *Ekonomika i statistika Karelii*, 1927, no. 4–6, pp. 54–74. (In Russian).
- Makaryev S. A., *Polevaya etnografiya: kratkoe rukovodstvo i programma dlya sbora etnograficheskikh materialov v SSSR* [Field Ethnography: A Brief Guide and Programme for Collecting Ethnographic Materials in the USSR], ed. by prof. V. G. Bogoras. Leningrad: Ethnographic Excursion Committee of the Ethnology Department of the Geology Faculty of Leningrad State University, 1928, 103 pp. (In Russian).

- Makaryev S. A., 'Nauka — na sluzhbu sotsialisticheskomu stroitelstvu' [Science — at the Service of Socialist Construction], *Sovetskaya Kareliya*, 1931, no. 8–10, pp. 23–35. (In Russian).
- Moskvina D. A., 'Prikladnaya nauka v Institute po izucheniyu narodov SSSR v Akademii nauk SSSR v 1930-e: proekt kolkhoznoy etnografii' [Applied Science at the Institute for the Study of the Peoples of the USSR of the USSR Academy of Sciences in the 1930s: A Project of Collective Farm Ethnography], *Kunstkamera*, 2021, no. 1 (11), pp. 75–87. (In Russian). doi: 10.31250/2618-8619-2021-1(11)-75-87.
- Nitoburg E. L., 'Yu. P. Petrova-Averkieva: uchenyy i chelovek' [Yu. P. Petrova-Averkieva — Scientist and Person], Tumarkin D. D. (ed.), *Repressirovannyye etnografy* [Repressed Ethnographers], 2nd ed. Moscow: Vostochnaya literatura, 2003, is. 2, pp. 399–428. (In Russian).
- Petriashin S., 'Etnologicheskie stantsii 1920-kh gg.: k istorii statsionarnogo metoda v sovetskoy etnografii' [Ethnological Stations of the 1920s: Towards a History of the Stationary Method in Soviet Ethnography], *Antropologicheskij forum*, 2025, no. 67, pp. 28–58. (In Russian). doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-67-28-58.
- Podrezova S. V., 'Navstrechu obonezhskim tomam Svoda russkogo folklora: materialy ekspeditsiy folklornoy sekcii IPIN 1931–1932 gg. v sobranii Pushkinskogo Doma' [On the Forthcoming Obonezhie Volumes of the *Svod Russkogo Folklora* Series: Materials from the 1931–1932 Expeditions of the Folklore Section of the Institute for the Study of Peoples in the Collection of The Institute of Russian Literature (Pushkinsky Dom) in St Petersburg], *Slovesnost i istoriya*, 2023, no. 3, pp. 130–148. (In Russian).
- Reshetov A. M., 'Otdanie dolga. Chast II: Pamyati sotrudnikov Instituta etnografii AN SSSR — voynov Velikoy Otechestvennoy voyny' [Paying the Debt. Part II: In Memory of the Employees of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences — Soldiers of the Great Patriotic War], *Etnograficheskoe obozrenie*, 1995, no. 3, pp. 3–20. (In Russian).
- Savvateev Yu. A., 'Stepan Andreevich Makaryev: zhizn i deyatelnost (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya)' [Stepan Andreevich Makaryev: Life and Work (On the 100th Anniversary of His Birth)], Vinokurova I. Yu. (ed.), *Vepsy: istoriya, kultura, mezhetnicheskie kontakty* [The Veps: History, Culture, Interethnic Contacts]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Press, 1999, pp. 10–41. (In Russian).
- Senkina T. I., 'Sobiranie i izuchenie russkogo folklora Karelii v 1920–1930-e gody' [Collecting and Studying the Russian Folklore of Karelia in the 1920s–1930s], Senkina T. I., *Zabytye i neizvestnye stranitsy istorii folkloristiki Karelii* [Forgotten and Unknown Pages of the History of Folklore Studies in Karelia]. Petrozavodsk: Karelian Research Centre RAS Press, 2012, pp. 43–61. (In Russian).
- Shangina I. I., 'D. A. Zolotarev (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya)' [D. A. Zolotarev (On the 100th Anniversary of His Birth)], *Sovetskaya etnografiya*, 1985, no. 6, pp. 76–84. (In Russian).
- Shangina I. I., Aksyanova G. A., 'David Alekseevich Zolotarev — etnograf, antropolog, organizator nauki v Rossii nachala XX veka' [David Alekseevich Zolotarev — Ethnographer, Anthropologist and Organiser

- of Science in Russia at the Beginning of 20th Century], Sirina A. A. (ed.), *Tri veka rossiyskoy etnografii: stranitsy istorii* [Three Centuries of Russian Ethnography: Pages of History]. Moscow: IEA RAS Press, 2017, pp. 221–244. (In Russian).
- Vakhtin N., “Proekt Bogoraza”: borba za ogon’ [The Bogoras Project: The Quest for Fire], *Antropologicheskij forum*, 2016, no. 29, pp. 125–141. (In Russian).
- Vakhtin N. B., ‘U istokov severovedcheskogo obrazovaniya v Peterburge: sozidateli v epokhu interregnum’ [The Early Stages of Arctic Anthropology in St Petersburg: Constructive Endeavours at the Time of the Interregnum], *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2023, no. 1, pp. 64–95. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/39/4.
- Vakhtin N., Lyarskaya E., ‘Pisma iz polya: printsipy leningradskoy etnograficheskoy shkoly i sovetskaya realnost’ [Letters from the Field: Principles of the Leningrad Ethnographic School and Soviet Reality], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2024, no. 190 (6), pp. 15–43. (In Russian).
- Vinokurova I. Yu., ‘Kareliya v etnologicheskikh issledovaniyakh’ [Karelia in Ethnological Research], Martynova M. Yu. (ed.), *Sovetskaya etnografiya v istorii gosudarstvennogo stroitelstva i natsionalnoy politiki* [Soviet Ethnography in the History of State Building and National Policy]. Moscow: IEA RAS Press, 2022, pp. 293–340. (In Russian).
- Zolotarev A. A., *Campo Santo moey pamyati* [The Campo Santo of My Memory]. St Petersburg: Rostok, 2016, 960 pp. (In Russian).
- Zolotarev D. A., ‘Izuchenie kretyanskikh postroek v rabotakh Verkhne-Volzskoy etnologicheskoy ekspeditsii’ [Study of Peasant Buildings in the Works of the Upper Volga Ethnological Expedition], *Verkhne-Volzhsкая etnologicheskaya ekspeditsiya. Kretyanskije postroyki Yaroslavo-Tverskogo kraja* [Upper Volga Ethnological Expedition: Peasant Buildings of the Yaroslavl-Tver Region]. Leningrad: State Academic Printing House, 1926, pp. I–XVI. (In Russian).
- Zolotarev D. A., ‘Voprosy izucheniya byta derevni SSSR’ [Questions of the Study of Village Life in the USSR], *Etnografiya*, 1926, no. 1–2, pp. 45–53. (In Russian).
- Zolotarev D. A., *Etnicheskiy sostav naseleniya Severo-Zapadnoy oblasti Karelskoy ASSR* [The Ethnic Composition of the Population of the North-West Region of the Karelian ASSR]. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1926, 117 pp. (In Russian).
- Zolotarev D. A., *Karely SSSR: po antropologicheskim dannym avtora, statisticheski obrabotannym A. K. Shtamm* [The Karelians of the USSR According to the Author’s Anthropological Data, Statistically Processed by A. K. Stamm]. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1930, 124 pp. + XXXIII sh. (In Russian).